МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

1829. № 10. Май.

I. Кузенева Курса Исторіи Философіи лекція первая 153

II. Спихотворенія.

1. Ночныя мысли о жизни, смерши и безсмерніи души. Э. Юнга (*окончаніе* 1-й *ночи*). 173

2. Моленіе (*Ѳ. Н. Глинки*)..... 181

III. Мѣшокъ съ золотомъ (Русская быль)..... 182

IV. 1. Полтава. Поэма А. Пушкина. СПБ. 1829. 219

2. Мессинская Невѣста. Трагедія Шиллера, переводъ А. Ротчева. М. 1829..... 236

V. Современная библіографія.

Русская литтература (*Черты Умозрительной Философіи — Исторія Государства Россійскаго*, томъ XII-й—*Списокъ удостоенныхъ знаковъ отличія безпорочной службы* въ 1828 году — *Уставъ* Императорскаго Александровскаго *Университета въ Финляндіи — Путешествіе по Турціи*, изъ Константинополя въ Англію, черезъ Вѣну. Соч. Р. Вальша — ...ndro Lib. Bar. ab Humboldt iter in montes ...es facienti — *Искуство плавать* — *Древ...аніе о побѣдѣ Великаго Князя Димитрія ...а Донскаго надъ Мамаемъ* — *Два ...словъ и Тайна.* — *Стихотворенія Н.*

Въ *Конторѣ Московскаго Телеграфа*, состоящей на *Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Г-жи Артеловой*, подъ No 27, *продается книга:*

ПОВѢСТИ
и
ЛИТТЕРАТУРНЫЕ ОТРЫВКИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Николаемъ Полевымъ.

На Русскомъ языкѣ есть уже нѣсколько прекрасныхъ собраній повѣстей и литтературныхъ отрывковъ, которые сперва были напечатаны въ разныхъ журналахъ, а потомъ собраны и изданы Переводчиками отдѣльно: Таковы: *девять* частей *Переводовъ* Карамзина, *Переводы въ прозѣ* Жуковскаго, собранія, изданныя В. В. Измайловымъ, Подшиваловымъ и другими.

По желанію многихъ, издаются подъ вышеозначеннымъ названіемъ избранныя повѣсти Ирвинга Вашингтона, Гофмана, Клаурена, Цшокке, Алибера, Пужана, Стеффенса, Якобса, Пикара, Матюрина, литтературныя статьи новаго писателя Американскаго Франклина, Графа Сегюра, статьи о нравахъ, сатирическаго и забавнаго содержанія, помѣщенныя въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, 1826, 1827 и 1828 года. Издатель пересмотрѣлъ все вновь, исправилъ дополнилъ и передѣлалъ многое. Удовлетворяя все можно требованіямъ любителей пріятнаго и за тельнаго чтенія, онъ печатаетъ новое собр вѣстей на хорошей бѣлой бумагѣ и полага самую умѣренную. Четыре года Телеграфа ки нынѣ въ книжныхъ лавкахъ, и ст

Изъ книгъ М. Н. [illegible]
Зап. 3 кон. сер. 2 Июля 1858.
С. П. Б.

№ 10. Май

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КУЗЕНЕВА КУРСА ИСТОРІИ ФИЛОСОФІИ,

Лекція первая.

Мм. Гг.

Въ будущемъ году намѣренъ я ввесши васъ въ Грецію, и изложишь вамъ шу изумляющую Философію, которая зовется именемъ Плашона и представляетъ все глубокомысліе ума человѣческаго, всѣ прелесши воображенія. Но ни одна система не вразумишельна, сама по себѣ взятая; умъ проницательный и точный не можетъ опредѣлительно показать всѣ слѣдствія той или другой системы, не рѣдко укрывающіяся даже отъ основателей ихъ ученія. И что значатъ начала безъ послѣдовательныхъ заключеній? Всякая система только тогда совершенно вразумительна, когда въ ней открываются всѣ слѣдствія, выводимыя изъ ея началъ. На оборотъ, невозможно вполнѣ знать системы, не зная ея происхожденія и ученій, ей предшествовавшихъ. Такъ Плашона не возможно

выразумѣть безъ послѣдователей его, Неоплатоников; тѣмъ менѣе онъ вразумителенъ безъ его предшественниковъ, Гераклита и Пиѳагора. Посему, желая болѣе проникнуть Философію Платона, я изложу всю эпоху Исторіи Философіи, къ которой она принадлежитъ.

Сказанное объ одной системѣ относится и къ различнымъ эпохамъ Исторіи Философіи. Дѣйствительно, эпоха есть не иное что, какъ владычество одной великой системы, имѣющей системы предшествовавшія и послѣдовавшія, коихъ знаніе необходимо для познанія ея самой; и если свести Исторію Философіи въ небольшое число эпохъ, то, для познанія одной изъ нихъ, нужно знать всѣ прочія, съ ихъ взаимными отношеніями.

По симъ причинамъ я почитаю необходимымъ въ началѣ курса занять васъ приготовленіемъ къ полному изложенію Философіи Платоновой и Философской эпохи, къ которой она принадлежитъ— именно, обозрѣніемъ всѣхъ эпохъ Исторіи Философіи. Безъ сомнѣнія, я въ семъ изложеніи буду краткокъ; но, при всей краткости, обо всемъ будетъ упомянуто. Прежде всего надобно приготовить очертаніе; за симъ послѣдуетъ окончаніе картины и постепенное обозрѣніе различныхъ эпохъ Исторіи Философіи. Такимъ образомъ разсмотрѣны будутъ всѣ задачи, какія

предлагалъ себѣ умъ человѣческій въ различныя времена и въ различныхъ ученіяхъ. На высотахъ науки и Исторіи откроется моя цѣль, мои намѣренія; шамъ возблеснитъ звѣзда, долженспвующая озарять пространный пупь, намъ предлежащій, при изученіи и изслѣдованіи Исторіи Философіи. Короче, въ будущемъ году займемся Платономъ и Греціею; въ нынѣшнемъ—человѣчествомъ и всеобщею Исторіей Философіи.

Можетъ быть, Мм. Гг., инымъ покажется странно, что я Исторію задачъ ума человѣческаго и Философскихъ ученій принимаю не за простое исчисленіе произвольныхъ мечтаній; что по моему мнѣнію, Философія не есть произведеніе суемудрія, а необходимое развитіе существенной потребности мысли. На сей предметъ обратимъ наше вниманіе. Дѣйствительно, Философія не есть-ли изложеніе мечтаній, родившихся въ умахъ нѣкоторыхъ людей, послѣ распространившихся ихъ примѣромъ, или она есть дщерь человѣчества? Принадлежитъ-ли она токмо Платону и Аристотелю, или самому разуму человѣческому? Не есть-ли она роскошь разума, или основаніе ея заключается въ естествѣ человѣческомъ? Посему, имѣетъ-ли она мѣсто въ ряду знаній человѣческихъ и ея Исторія можетъ-ли быть наукою? Изслѣдованіе сего предварительнаго вопроса будетъ предметомъ нынѣшней бесѣды. Мы должны убѣдиться въ томъ, что вы

спеклись сюда не изъ суетнаго любопытства, а я не по одному только навыку, но что мы хотимъ вмѣстѣ удовлетворить возвышенной потребности духа, нераздѣльной съ мыслію человѣческой и сколько-же существенной, сколько существенны потребности другихъ наукъ.

Какъ скоро человѣкъ приобрѣтаетъ познаніе себя самаго, онъ уже находится въ мірѣ чуждомъ, непріязненномъ, котораго законы и явленія, по видимому, противорѣчатъ его существованію. Для противодѣйствія, онъ одаренъ разумомъ и волею. Онъ существуетъ единственно при условіи предвѣдѣнія сихъ законовъ и явленій; они разрушили-бы его существованіе, если-бы онъ не могъ наблюдать оные, измѣрять ихъ дѣйствіе и вліяніе. Помощію разума, постепенно развивающагося и въ точности направляемаго, человѣкъ познаетъ видимый міръ; помощію воли, онъ измѣняетъ сей міръ и преобразуетъ: населяетъ пустыни, искапываетъ рѣки, изглаждаетъ горы; короче, въ продолженіе вѣковъ, онъ свершаетъ всѣ сіи чудеса, коимъ мы болѣе не изумляемся, по привычкѣ къ могуществу своему и его дѣйствіямъ. Мм. Гг.! кто первый измѣрилъ пространство, его окружавшее, сосчиталъ предметы, вокругъ его находившіеся, замѣтилъ свойства ихъ и дѣйствія, тотъ положилъ основаніе наукамъ Физико-Математическимъ. Кто первый преодолѣлъ препятствія въ

удовлетвореніи потребностей жизнейскихъ, потъ произвелъ промышленность. Соедините вѣка и труды поколѣній: вы получите въ итогѣ все, что мы нынѣ видимъ. Науки Физико-Математическія суть побѣды, одержанныя умомъ человѣческимъ надъ тайнами природы; промышленность есть побѣда, одержанная волею надъ силами сей природы. Міръ въ томъ состояніи, въ какомъ вступилъ его человѣкъ, былъ ему чуждъ; міръ же въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ его науки Физико-Математическія и промышленность, есть міръ, сходный съ человѣкомъ, имъ самимъ преображенный. Обозрите окрестъ себя— вездѣ вы встрѣтите себя самихъ; вездѣ найдете болѣе или менѣе измѣненный видъ разума и воли человѣческой. Природа до человѣка содержала вещи, существа безъ значенія. Человѣкъ преобразилъ вещи, ознаменовалъ оныя личностью своей, возвысилъ до значенія представителей разумѣнія и воли своей, и сообщилъ имъ часть своей самобытности. Міръ въ первоначальномъ состояніи былъ предметомъ труда человѣческаго; все значеніе его заключалось въ возможности того употребленія, какое изъ него сдѣлалъ человѣкъ. Благороднѣйшее назначеніе человѣка, въ отношеніи его къ міру, состоитъ въ уподобленіи окружающей природы себѣ самому, въ преобразованіи оной, въ запечатлѣніи ея разумѣніемъ своимъ и волею. Промышленность, повто-

римъ, есть торжество человѣка надъ природою; она предъ изобрѣтательностію ума стала безсильною и преобразилась: это твореніе новаго міра, не имѣющее никакихъ предѣловъ, кромѣ могущества мысли; конецъ сего творенія можно себѣ представить только въ совершенномъ превращеніи природы въ человѣчество. Подробности сего разсматриваетъ Политическая Экономія; она слѣдуетъ за успѣхами промышленности, нераздѣльными съ успѣхами наукъ Физико-Математическихъ.

Думаю, Мм. Гг., что никто не станетъ обвинять меня въ несправедливости вразсужденіи наукъ Физико-Математическихъ и Политической Экономіи. Вопросимъ только: развѣ нѣтъ другихъ наукъ, кромѣ Физико-Математическихъ? Развѣ Политическая Экономія одна занимаетъ разумѣніе наше, и уже-ли только въ промышленности усматривается наше могущество? Всѣ сіи предметы имѣютъ одно и тоже основаніе— пользу. Слѣдовательно вопросъ перемѣняется въ другой: одно-ли полезное составляетъ потребность естества нашего, единственную идею, на которую сводятся всѣ прочія идеи разумѣнія; уже-ли только съ этой стороны разсматриваетъ человѣкъ всѣ вещи и только полезнаго въ нихъ ищетъ? Нѣтъ; извѣстно, что между дѣйствіями, происходящими отъ различныхъ сношеній людей между собою, есть такія, кото-

рыя, кромѣ пользы или вреда, представляютъ намъ другую сторону, именно сторону справедливости, или несправедливости. Вотъ новый предметъ изслѣдованій, столь-же дѣйствительный, какъ и первый, изъ котораго получаются новыя слѣдствія, столь-же вѣрныя, какъ первыя, и еще болѣе удивительныя.

Идея справедливости есть честь и слава природы человѣческой. Человѣкъ скоро замѣчаетъ ее, но замѣчаетъ, какъ молнію во мглѣ страстей: сія идея въ его очахъ безпрестанно уничтожается безпорядкомъ страстей и противуположныхъ желаній. Такъ называемое первоначальное, естественное общество есть состояніе воинственное, гдѣ владычествуетъ право сильнаго и гдѣ правосудіе попирается ногами страсти. Не смотря на это, идея правосудія поражаетъ умъ человѣка; она отвѣтствуетъ внутреннему его гласу: скоро осуществленіе оной становится непреодолимою потребностью — и, какъ на идеѣ полезнаго образовалъ онъ новую природу, послѣ, вмѣсто общества первоначальнаго, безпорядочнаго, на идеѣ справедливости, онъ творитъ новое общество. Правосудіе осуществленное есть государство, котораго назначеніе состоитъ въ охраненіи идеи справедливости. Отсюда новое общество, гражданское и политическое, которое есть не иное что, какъ правосудіе, приведенное въ дѣйствіе посред-

спвомъ закона. Здѣсь не разсматривается безконечное разнообразіе элементовъ человѣка, бывшихъ жерпвами безпорядка въ общеспвѣ первоначальномъ; не разсматривается человѣкъ во всей цѣлосши: но здѣсь наблюдаепся человѣкъ въ опношеніи къ идеѣ правосудія и неправосудія, т. е. какъ существо, могущее совершить неправосудное, или подпасть оному, въ дѣйспвіяхъ свободной воли. Опселѣ рождаюпся всѣ обязанноспи и всѣ права. Единспвенное, законное право сосповпъ въ пребованіи уваженія справедливыхъ дѣйспвій воли; единспвенная обязанноспь въ гражданскомъ общеспвѣ еспь уваженіе свободной воли другихъ. Посему правосудіе сосповпъ во взаимномъ охраненіи воли человѣческой. Государспво не ограничиваепъ воли, какъ иные говорятъ; напропивъ, оно развиваепъ волю человѣка и упверждаепъ. Сверхъ пого, въ общеспвѣ первоначальномъ люди необходимо различны, и по нуждамъ, и по чувспвованіямъ, и по способносшямъ шѣлеснымъ, умспвеннымъ, нравспвенным; но въ государспвѣ и предъ закономъ, гдѣ люди принимаюпся за лица, или существа, одаренныя разумомъ и волею, всѣ равны; попому чпо воля всѣхъ одинакова и равна себѣ самой. Посему равенспво еспь полько принадлежноспь воли, служащей основаніемъ законнаго порядка въ мірѣ полипическомъ, копорый еспь пакже шворепіе ума человѣческаго, болѣе удивипельное

въ сравненіи съ первоначальнымъ обществомъ, нежели міръ промышленности въ сравненіи съ міромъ видимымъ.

Но разумѣніе наше идетъ еще далѣе. Неоспоримо также, что внѣшніе предметы и дѣянія человѣческія, при всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи, представляющіеся по полезными или вредными, по справедливыми или несправедливыми, сверхъ сего могутъ казаться прекрасными или безобразными. Идея изящнаго столь-же нераздѣльна съ умомъ человѣческимъ, какъ идея полезнаго и правосуднаго. Вопросите себя при взглядѣ на необозримое и спокойное море, или на цѣпи горъ; при воззрѣніи на мужественное или прелестное лице мужчины или женщины; при размышленіи о поступкѣ великодушія. Человѣкъ, пораженный идеей изящнаго, объемлется ею, отдѣляетъ, распространяетъ ее, развиваетъ, очищаетъ въ мысли своей, и, помощію сей идеи внушенной внѣшними предметами, онъ снова изслѣдуетъ сіи предметы, находитъ оные при вторичномъ воззрѣніи нисшими въ сравненіи съ тою идеей, которую онъ посредствомъ ихъ приобрѣлъ. Какъ благотворныя силы природы представляются намъ въ смѣшеніи съ явленіями ужасными и гибельными, въ коихъ онѣ скрываются отъ взоровъ нашихъ, или какъ правосудіе и добродѣтель подобны быстрой молніи во мглѣ первоначальныхъ обществъ: такъ въ мірѣ обра-

зовъ естественныхъ изящество представляется намъ подъ нѣкіимъ покровомъ. Необозримое море, высокая гора, или другими словами, необъятная вода и груда камней, рождаютъ темный, сбивчивый, неполный образъ идеи безконечнаго. Изящнѣйшій предметъ въ мірѣ и прелестнѣйшее изображеніе имѣютъ свои недостатки. Какъ много на это дѣйствуетъ вещественность! Но и великій подвигъ, высочайшее и чистѣйшее изящество, ближе разсматриваемый, представляетъ также несовершенство. Вообще все дѣйствительное смѣшенно и несовершенно. Всякое дѣйствительное изящество, въ какомъ-бы родѣ ни было, ничто предъ идеаломъ, въ немъ изображающимся. Что-же дѣлаетъ человѣкъ? Что онъ дѣлаетъ, Мм. Гг.? Обновивъ природу и общество промышленностью и законодательствомъ, онъ передѣлываетъ предметы, породившіе въ немъ идею изящнаго, и передѣлывая по сей самой идеѣ, образуетъ оные несравненно изящнѣйшими. Не останавливаясь на размотрѣніи идеала, онъ творитъ для сего идеала новую природу, въ которой красота отражается разительнѣе, нежели въ природѣ первоначальной. Красота искусства столько-же превосходитъ красоту естественную, сколько человѣкъ превосходитъ всю окружающую природу. Не должно думать, что сія красота мнимая; ибо высочайшая истина содержится въ мысли; то наиболѣе истинно, что

лучше отражаетъ мысль: посему произведеніе искусства гораздо истиннѣе, нежели произведенія естественныя. Міръ искусствъ или изящный столько-же истиненъ и дѣйствителенъ, сколько дѣйствителенъ міръ политическій и міръ промышленности. Подобно симъ мірамъ, міръ изящный есть дѣло разума и воли человѣка: тамъ преобразуются необузданныя страсти и своенравная природа; здѣсь—грубыя, естественныя красоты.

Представьте себѣ существо, которое взирало-бы на первые дни вселенной и человѣка, которое видѣло-бы землю послѣ сотворенія ея Создателемъ и всѣ красоты сихъ ветхихъ дней; которое смотрѣло-бы на прелестные образы природы, слышало-бы очаровательные погдашніе звуки—короче, существо, взиравшее на міръ первобытный, и которое явилось-бы нынѣ среди чудесъ законовъ, наукъ и искусствъ: въ изумленіи, могло-ли-бы оно узнать прежнее обиталище человѣка, куда какъ-бы низошло высшее твореніе и преобразило всю землю?

Но и сей міръ, преобразованный могуществомъ человѣка; сія природа, обновленная по его образу; сіе общество, устроенное по идеѣ справедливости; сіи чудеса искусства, коими услаждается жизнь, еще не удовлетворяютъ человѣка. Мысль его стремится за предѣлы міра, имъ устрояемаго и украшаемаго; человѣкъ, при всей высокости разума, постигаетъ бытіе высшаго могуще-

ства, проявляющагося въ произведеніяхъ своихъ, въ природѣ и человѣчествѣ, Существа, о которомъ повѣдаютъ творенія его, которое вся собою исполняетъ, въ которомъ исповѣдуемъ независимость и всемогущество. Человѣкъ, заключенный въ предѣлы сего міра, все видитъ въ образахъ онаго; но и въ сихъ самыхъ образахъ предполагаетъ онъ необходимое пребываніе сущности, причины и начала всѣхъ силъ и всѣхъ преобразованій, замѣченныхъ имъ въ себѣ самомъ и въ мірѣ. Короче, за предѣлами наукъ и искусствъ, человѣкъ постигаетъ Творца вселенной, вездѣсущаго и промысломъ своимъ все содержащаго. Творецъ безъ творенія для чувственнаго человѣка непостижимъ; твореніе безъ Творца для мысли человѣка есть непоняпная загадка, а для сердца тяжкое бремя.

Исповѣданіе Творца, внѣ міра сущаго, но въ мірѣ являющагося, составляетъ естественную религію. Человѣкъ не останавился на первоначальномъ мірѣ, на первобытномъ обществѣ, на первородныхъ красотахъ: такъ не останавливается онъ и на религіи естественной. Дѣйствительно, естественная религія, или стремленіе мысли къ Творцу за предѣлы творенія, есть какъ-бы молнія быстрая и крашковременная въ естественной жизни человѣка — молнія, освѣщающая душу его, подобно идеѣ изящнаго, справедливаго или добраго, полезнаго или испин-

наго. Въ мірѣ вещественномъ все стремится омрачить, погасить, истребить религіозное чувствованіе. Что-же дѣлаетъ человѣкъ? Тоже, что дѣлалъ прежде въ отношеніи къ міру видимому, обществу и красотамъ естественнымъ: по силѣ преобладающей въ немъ новой идеи, онъ творитъ иной міръ, отличный отъ видимаго, къ которомъ, отдаляясь отъ всѣхъ прочихъ существъ, онъ живетъ жизнію божественною и токмо Всемогущему причастенъ. Вотъ, сей-то міръ религіи составляетъ Вѣру. Чувство религіозное было-бы безсильно, если-бы остановилось на простомъ созерцаніи; все сильное пребуетъ раскрытія, осуществленія: и Вѣра есть раскрытіе, осуществленіе религіознаго чувствованія; она въ сравненіи съ религіею естественною тоже, что искусства, науки, законы въ сравненіи съ естественною красотою, съ міромъ видимымъ, съ первобытнымъ обществомъ. Торжество религіознаго созерцанія заключается въ созданіи Вѣры, равно какъ торжество идеи изящнаго заключается въ созданіи искусства и торжество идеи справедливости въ созданіи государствъ. Вѣра, озаренная Откровеніемъ, превыше міра существеннаго: во первыхъ назначеніе ея состоитъ въ воззваніи человѣка къ Богу, между тѣмъ какъ природа внѣшняя приковываетъ слабое человѣчество къ землѣ, отвлекая отъ неба; во вторыхъ, она поразительнѣе изображеніемъ дѣлъ божественныхъ; въ третьихъ, она

всегда съ нами пребываетъ, тогда какъ въ мірѣ видимомъ для бренныхъ очей нашихъ божественность поглощается вещественностью. Вѣра, своимъ единствомъ, ясностью и пребываемостью сильнѣе взываетъ человѣка къ Создателю, нежели міръ видимый. Сія побѣда надъ жизнью обыкновенною выше побѣдъ, прославленныхъ нами въ законахъ, наукахъ и искусствахъ.

Какимъ-же образомъ, Мм. Гг., Вѣра столь дѣятельно взываетъ человѣка къ Создателю? Вообще представленіемъ темныхъ отношеній человѣчества и природы къ Богу, въ образахъ внѣшнихъ, въ изображеніяхъ живыхъ, въ символахъ. Созиданіемъ вѣры, человѣчество возносится надъ всѣмъ вещественнымъ; но симъ достигаетъ-ли оно послѣднихъ предѣловъ? Здѣсь истина, всѣ отношенія человѣка и природы къ Богу облечены въ священные символы религіи. Но мысль можетъ-ли остановиться на символахъ? Она, созерцавши Творца въ его откровеніи, созидаетъ вѣру, гдѣ вновь срѣтаетъ обожаемаго Создателя. Иногда человѣкъ остается при символахъ и какъ-бы видитъ въ нихъ то, чего собственно символы не содержатъ, или что содержатъ они косвенно и сравнительно; тогда теплота вѣры замѣняетъ размышленіе. Не смотря на сіе, религіозныя чувствованія не составляютъ конечнаго развитія разумѣнія. Человѣкъ, обожая символъ, чувствуетъ потребность отдать себѣ отчетъ въ обожаніи.

Но отдашь себѣ отчетъ, Мм. Гг.; дѣло весьма важное. Какимъ образомъ отдаемъ мы себѣ отчетъ? Единственно разложеніемъ того, въ чемъ отчетъ отдаемъ, и преобразованіемъ въ чистыя понятія, кои послѣ разумъ изслѣдуетъ и произноситъ судъ объ ихъ истинѣ или ложности. И такъ, за чувствованіями религіозными слѣдуетъ размышленіе; языкъ вѣры, проникнутый восторгомъ, есть Поэзія; языкъ размышленія — Діалектика: тутъ открывается новый міръ, за предѣлами міра символовъ и религій. Въ тотъ день, когда человѣкъ въ первый разъ сталъ размышлять, родилась Философія. Философія есть не иное что, какъ размышленіе, въ связи и порядкѣ возвышенное до степени методы. Ни одна истина не принадлежитъ Философіи исключительно, но всѣ истины ея собственность; ибо ея долгъ отдать отчетъ во всѣхъ истинахъ, изслѣдовать оныя и преобразовать въ идеи!

Идеи суть самыя мысли въ ихъ естественномъ образѣ. Онѣ могутъ быть истинныя или ложныя, болѣе или менѣе раскрытыя; но всѣ онѣ имѣютъ то общаго, что для мысли совершенно вразумительны и для понятія не требуютъ никакого посредства. Иногда идеи имѣютъ нужду въ извѣстномъ порядкѣ; но различныя ихъ соединенія не измѣняютъ значенія; онѣ имѣютъ различныя степени; на степени низшей, равно какъ и на высшей, сохраняютъ свойство свое, имен-

но свойство быть божественнымъ изображеніемъ мысли. Очевидно, что мысль понимаетъ себя и только собою. Въ изслѣдованныхъ нами областяхъ размышленія мысль встрѣчала себя и собою себя понимала; она понимала себя вѣрнѣе или не столь вѣрно, смотря потому, въ какихъ образахъ себя созерцала; высшее ея разумѣніе тамъ, гдѣ она сама себѣ становится предметомъ.

Здѣсь достигаетъ мысль предѣла своего; ибо мысль прейдти себя не можетъ. Къ сему предѣлу она необходимо стремится; жаждетъ изучить себя въ своемъ существѣ; пока не достигаетъ сего предѣла, ея развитіе несовершенно. Слѣдовательно, Философія есть полное развитіе мысли. Безъ сомнѣнія, способы развитія мысли бываютъ совершенные и недостаточные, равно какъ и различныя исповѣданія, законы, системы наукъ, произведенія искуствъ. Не смотря на сіе, Философія, подобно религіи, законамъ, наукамъ и искуствамъ, есть дѣйствительная потребность разумѣнія, необходимое слѣдствіе не одного какого-либо ума, но всего человѣчества и постепеннаго развитія мыслящей способности. Недовольные Философіей да осуждаютъ человѣчество и его Творца. Но, вмѣсто осужденій, лучше подивимся высокому назначенію своему, являющемуся въ разумѣ, который, вездѣ и всегда покмо себя наблюдая, себя постигаетъ.

И такъ, Мм. Г., идеи составляютъ собствен-

но предметъ Философіи. Не должно думать, что мы вѣримъ идеямъ по сходству ихъ съ представленіями; онѣ, будучи невидимы, именно себя самихъ представляютъ. Существенное свойство ихъ то, что онѣ понятны; однѣ онѣ токмо вразумительны; онѣ, безъ нашего вѣдома, въ томъ или другомъ видѣ, насъ убѣждаютъ. *Философія есть міръ идей;* она послѣднее торжество мысли человѣческой и высшая степень разумѣнія надъ послѣдовательными степенями промышленности, законодательства, искусствъ.

Испытайте, Мм. Гг., измѣнить изложенный порядокъ послѣдовательныхъ степеней разумѣнія: вы сами убѣдитесь въ невозможности. Безъ промышленности, или безъ нѣкотораго противодѣйствія міру внѣшнему, равно безъ законодательства, или безъ подчиненія страстей законамъ, безсильно дѣйствіе мыслящей способности; невозможно, чтобы размышленіе предшествовало восторгу, а Философія искусствамъ. Художникъ, начиная быть Философомъ, уже болѣе не художникъ. Такъ въ святыхъ образахъ религіи и ученіяхъ вполнѣ содержится истина; но всѣ ея истины облечены таинственностью. Религія обращается къ сердцу, ему говоритъ она и его убѣждаетъ; анализъ и Діалектика не могли предшествовать символамъ и таинственности; послѣднее усиліе мыслящей способности есть умозрѣніе, озаренное Откровеніемъ.

Май 1829. 12

Идеи безъ сомнѣнія темны для чувственности, воображенія и сердца; ибо чувственность ощущаетъ только внѣшніе предметы; воображеніе имѣетъ потребность въ представленіяхъ, сердце въ чувствованіяхъ. Очевидность внѣшняя утверждается единственно условіемъ другой очевидности внутренней, рождающейся отъ размышленія, очевидности философической. Посему *Философія есть наука наукъ*; отрицать превосходство Философіи надъ всѣми прочими науками, значитъ отрицать превосходство размышленія надъ всѣми прочими дѣйствіями мыслящей способности. Съ превосходствомъ Философіи соединяется и ея терпимость. Дѣйствительно, она есть высшее разумѣніе, конечное объясненіе всѣхъ вещей: и потому можетъ-ли она чему-либо враждовать? Философія не враждуетъ на промышленность, а напротивъ излагаетъ ей начала и приготовляетъ основанія для ея произведеній. Философія не враждуетъ законамъ; напротивъ она возводитъ оные на высшую степень духа законовъ. Философія не обрѣзываетъ крыльевъ искуству; напротивъ слѣдуетъ за нимъ, измѣряя его силы и цѣль. Изъ религіи заимствуетъ Философія могущественныя внушенія и пользуется ея святыми изображеніями и поученіями, преобразуя истины ея въ собственное существо и образы; она озаряетъ темныя чувствованія религіозныя, разоблачаетъ символы и возвышаетъ таинственность на степень чистаго разума.

Всѣ изслѣдованныя нами области мыслящей способности, Мм. Гг., равно точны, необходимы, и въ преемственной послѣдовательности своей составляютъ цѣлое, жизнь человѣчества. Свойство сихъ потребностей есть проявленіе каждой изъ нихъ въ особенности. Не рѣдко встрѣчается бореніе сихъ стихій человѣчества; но истинное любомудріе должно оныя сближать и мирить. Вы, Мм. Гг., не услышите съ сей каѳедры словъ непріязненныхъ для чего-либо добраго, истиннаго и изящнаго. Пора Философіи, вмѣсто составленія особаго ученія, обнять всѣ ученія. Таковъ духъ новой Философіи, и сего должно ожидать отъ просвѣщенія девятнадцатаго столѣтія.

Юноши, намѣревающіеся внимать урокамъ Философіи! любите все *истинное, доброе, изящное;* это основаніе Философіи! Она облекаетъ сію любовь въ свои образы. Не отставайте отъ хода естественныхъ наукъ и промышленности; поучайтесь въ нихъ стремленію воли и разума къ преобладанію надъ міромъ чувственнымъ. Изучайте законы отечественные—и симъ изученіемъ воспламеняйтесь любовію къ Монархамъ, оные даровавшимъ. Въ Искусствахъ и Словесности пріобрѣтайте восторгъ ко всему изящному. Воспитанные въ Вѣрѣ Христіанской и укрѣпленные ея возвышеннымъ ученіемъ, въ истинной Философіи, съ объясненіемъ и разумѣніемъ ученія, вы обрѣтете ненарушимое спокойствіе душевное. Духъ време-

ни требуетъ, чтобы мы ничего не опвергали безъ причины, принимали-бъ все съ пониміемъ: таковъ долженъ быть характеръ юношества. Постараюсь въ преподаваніи быть вѣрнымъ исполнителемъ сихъ требованій.

Мм. Гг.! Въ нынѣшній день я старался показать, что Философія есть необходимая, постоянная и непреоборимая потребность разума человѣческаго; я показалъ сіе быспрымъ обозрѣніемъ главныхъ потребностей разума. Въ слѣдующій разъ намѣренъ доказать сію-же самую истину другимъ образомъ: мы разсмотримъ разумъ человѣческій въ его очевидномъ изображеніи—въ Исторіи. Исторія, Мм. Гг., покажетъ намъ, что Философія, какъ необходимая потребность разума, проявлялась во всѣ эпохи человѣчества и сопутствовала ему во всѣхъ его развитіяхъ. Это будетъ предметомъ слѣдующей бесѣды.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ

о жизни, смерти и безсмертіи.

Э. Юнга.

(Окончаніе ночи 1-й).

Всегда, повсюду, въ каждой смертныхъ долѣ
Какъ горестна о прошломъ счастьи мысль!
О мысль, рушитель моего покоя!
Сквозь тѣсныя минувшихъ дней врата,
Ведомая безмолвіемъ и мракомъ,
Она выходитъ тайно, какъ убійца,
Скитается, несчастный странникъ, въ прошломъ
Тамъ горестей неутомимо ищетъ,
Находитъ тамъ пустыню, разрушенье
И радостей усопшихъ тѣни видитъ.
Я о богатствѣ прошлыхъ дней тоскую,
Надъ блеклыми утѣхъ цвѣтами плачу,
О благахъ, прежде милыхъ, трепещу,
И каждое мнѣ горько наслажденье.
Почто скорбѣть? скорбѣть лишь о себѣ?
Для одного-ль меня сіяетъ солнце?
Я-ль только смертный? Ангелы-ль иные?
О всѣхъ грущу я: доля всѣхъ одна!
За всякимъ, въ видѣ томъ или другомъ,
Судьба участокъ укрѣпила муки;
Всякъ земнородный бѣдствія наслѣдникъ.
Зараза, гладъ, раздоры, брань, огнь, бури
И угнѣтенье, съ сердцемъ облеченнымъ

Трикраты мѣдью, испытуютъ смертныхъ.
Тамъ человѣкъ, подобіе Творца,
Въ нѣдрѣ рудниковъ забылъ, какъ свѣтитъ солнце;
Тамъ онъ, безсмертный, какъ его владѣлецъ,
Къ веслу по смерть прикованъ, пашетъ волны
И съ нивы сей отчаянье сбираетъ;
Иные въ брани за Владыкъ жестокихъ
Послѣднихъ силъ лишенны и увѣчны,
На нищету осуждены, и въ царствѣ
Чрезъ нихъ спасенномъ, просятъ подаянья.
Тамъ бѣдность и, собратъ ея, недугъ
Въ безпомощной свирѣпствуютъ толпѣ
И гробъ въ пріютъ желанный претворяютъ!
Сколь многіе, стеная, мрутъ въ больницахъ!
Сколь многіе стенаютъ о больницѣ!
Иной, средь нѣги вскормленный фортуной,
О хладномъ ближнихъ молитъ состраданьи,
И молитъ (мыслить тяжело!) вотще!
О вы, ушѣхъ питомцы! утомившись
Отъ посѣщеній модныхъ, отдохните
Въ жилищѣ бѣдствій; накормите алчныхъ,
И легче вамъ сносить избытокъ будетъ.
Но нѣтъ! вы низкимъ чтите все благое.
И пусть-бы стихъ лишь угнетало горе!
Оно разитъ какъ благость, такъ и мудрость:
Недуга зло воздержныхъ постигаетъ,
Невинныхъ кара, и въ глуши укромной
Не безопасенъ отъ тревоги миръ.
Какъ намъ зловредна часто осторожность!
Какъ гибельна малѣйшая безпечность!
Намъ быть защитой счастіе безсильно,
Желаннаго не власти дать желанья.

И какъ, почти всегда, предметъ желаній
Далекъ отъ общей всѣхъ ихъ цѣли, счастья!
Гладчайшій путь здѣсь тернами обиленъ,
Другъ лучшій часто намъ вредитъ невольно.
О, сколько бѣдствій даже безъ несчастья!
Какія брани безъ враговъ! а сколько
Враговъ имѣетъ лучшій изъ людей!
Но безконеченъ счетъ всѣхъ золъ: скорѣе
Намъ вздоховъ, чѣмъ причины ихъ, не станетъ.
Сколь малая земнаго круга доля
Населена! Остатокъ есть пустыня,
Пески иль море, скалы, степи, льды,
Чудовищъ, яда, змѣй и смерти область.
Таковъ земли сей видъ. Увы! онъ образъ,
Вѣрнѣйшій образъ жизни человѣка.
Такъ божескія наши наслажденья
Окружены пространнымъ царствомъ зла,
Гдѣ брань ярится, бѣдствія бушуютъ,
Язвятъ смертельно горести и страсти
И поглощаетъ все судьбы пучина.
Что-жь я, столь дерзко о себѣ скорбящій?
И въ мужествѣ мы помощью чужою
Живемъ, и въ дѣтствѣ. Благость—человѣку
Урокъ природы первый и послѣдній;
Своекорыстный золъ своихъ достоинъ;
Но возвышаютъ бѣдствія мудрѣйшихъ:
Самопознанье укрощаетъ муку.
Съ разсудкомъ вмѣстѣ мнѣ велитъ оно
Другой источникъ избрать скопленнымъ мыслямъ:
Дѣлясь, слабѣетъ горести потокъ.
Прими-же, свѣтъ, мой долгъ тебѣ, слезу!
О, сколь печаленъ видъ земнаго счастья

Для тѣхъ, чей взоръ проникнуть можетъ далѣ!
О ты, чье сердце плаваетъ въ восторгахъ!
Желаешь-ли, чтобъ я хвалилъ твой жребій?
Желаешь вѣрно: гордость жаждетъ хвалъ —
Такъ пусть-же гордость мнѣ твоя проспитъ
Цѣлебное напоминанье дружбы.
Счастливецъ бѣдный! слѣпотой счастливъ ты,
Безумствомъ къ долгой присужденъ улыбкѣ;
Знай, гибелью своей ты веселишься,
И радости тебѣ задатокъ муки;
Несчастіе есть злой заимодавецъ:
Оно возвыситъ плату за отсрочку,
Оно бичемъ протекшаго блаженства
Разитъ тебя немилосердо станетъ.
Тебя лелѣетъ счастіе, Лоренцо!
Ты сердцемъ жадно пьешь Сирены пѣсни!
Ты дорогъ мнѣ! Не гнѣвайся: упрочишь,
Не омрачишь твою хочу я радость.
Не помышляй, что страхъ священъ для бури,
Не довѣряй улыбкѣ льстивой рока.
Ужасно-ль небо въ гнѣвѣ? Несомнѣнно;
Но въ милости оно ужасно также;
Его дары суть только испытанье,
Не увольненье отъ заботъ, зовъ къ долгу;
Они должны страшить насъ, какъ и бѣдства,
Учитъ насъ знать начало ихъ и цѣль,
И трепеща наградъ незаслуженныхъ,
Тушитъ огнь крови, укрощаетъ восторги —
Иль ихъ объятья наши умерщвляютъ,
Нѣтъ! ихъ творятъ тяжеле всякихъ бѣдствій.
Былая радость какъ вражда друзей,
Какъ люпая междоусобья брань,

Съ неслыханной разитъ намъ сердце злобой.
Страшись того, что счастьемъ здѣсь зовется,
И радостей чуждайся преходящихъ:
Кто не на вѣчномъ зиждетъ основаньи,
Тотъ смерть своимъ готовитъ наслажденьямъ.

Мои съ тобою умерли, Филандръ!
Твой вздохъ послѣдній уничтожилъ чары,
И красота земли исчезла. Гдѣ
Ея всѣ грады? Гдѣ златыя горы?
Все дикая пустыня, слезъ юдоль:
Волшебникъ умеръ. Бѣдная горсть праха!
Какая въ день единый перемѣна!
О, какъ наградой долго-жданной льстила
Тебя надежда! Какъ ты величался,
Самодовольный! Какъ гордился, близкій
Къ желанной цѣли! И тогда незримый
Зародышъ смерти, разростаясь въ мракѣ
Мечтамъ твоимъ со злобой насмѣхался,
И поѣдалъ ужь червь прелестный цвѣтъ,
И палъ онъ мига одного добычей.

Предусмотрѣнье лишь условно мудро.
Лоренцо! Мудрость иногда въ безумство
Тогда-жь преходитъ, какъ о ней родится
Надменная въ насъ мысль. Какъ слабъ нашъ взоръ!
Ему лишь видѣнъ настоящій мигъ;
Мигъ будущій, какъ судный день, скрытъ въ мракѣ.
Мы проникаемъ и пророчимъ тщетно:
Частицами течетъ къ намъ время; рокъ
Частицѣ каждой, прежде чѣмъ она
Сольется съ жизнью, запретилъ подъ клятвой
Повѣствовать, гдѣ вѣчности начало.

Возможное возможно каждый мигъ:
Въ часахъ сей жизни нѣтъ часовъ завѣтныхъ.
Какая-жь мысль смѣлѣе и надменнѣй
На *завтра* нашей дерзостной надежды?
Гдѣ наше завтра? Въ томъ, не въ здѣшнемъ мірѣ.
Сіе для многихъ вѣрно; никому
Противное не вѣрно. И на семъ
Обманчивомъ столь часто «можетъ быть»
Какъ на скалѣ гранитной созидаемъ
Своихъ надеждъ мы, предпріятій горы,
Какъ будто все здѣсь вѣчно; созидаемъ,
И падаемъ, ихъ созидая, въ гробы.
И для Филандра саванъ не былъ сшитъ.
Предвѣстья Небо не дало! Сколь много
Не такъ готовыхъ гибнетъ такъ нежданно,
По предвѣщаньяхъ многихъ, все нежданно!
Страшись изъ золъ послѣдняго, Лоренцо!
Страшись кончины медленно внезапной!
О, какъ сія нечаянность ужасна!
Будь мудръ сегодня; отлагать безумно:
Наставшій день умчится за протекшимъ,
За нимъ другой — и позабыта мудрость!
Тать времени — отсрочка: годъ за годомъ
Она уноситъ, и умчатся всѣ,
И на случайность одного мгновенья
Всей вѣчности удѣлъ намъ остается.
Сіе не странно, ибо повседневно,
Но тѣмъ страннѣй такая повседневность.
Грубѣйшее изъ нашихъ заблужденій
Есть мысль, что жить еще такъ долго намъ,
Что рождены еще мы такъ недавно.
Мы льстимъ себѣ и нѣкогда мечтаемъ

Умнѣе быть; а гордость отъ похвалъ,
Хоть отъ своихъ лишь собственныхъ, растетъ,
И будущій мудрецъ собой доволенъ:
Тогда-то жизнь! Когда-же? Никогда!
Все, что у насъ изъ времени, безумству,
Что у судьбы, то мудрости дается.
Мы замысламъ даемъ дѣяній тишло;
Не презирать глупцовъ — не глупость вовсе:
Едва-ль и мудрость властна сдѣлать больше.
Обѣтами, медлители, богаты
Во весь свой вѣкъ мы; въ молодости, правда,
Самодовольны, дремлемъ мы безпечно,
И, какъ сыны усердные, отцамъ лишь
Ума и большей мудрости желаемъ;
Лѣтъ въ придцать мыслимъ: не подобны-ль мы имъ?
Познавъ то въ сорокъ, измѣняемъ планъ;
Бранимъ свои отсрочки въ пятьдесятъ;
Потомъ съ усильемъ твердымъ, на благое
Рѣшаемся, рѣшенья измѣняемъ
И умираемъ — шаковы, какъ жили.
А все за тѣмъ, что человѣкъ считаетъ
Себя безсмертнымъ, смертными всѣхъ прочихъ.
Промчится-ли надъ нимъ судьбы перунъ
И ужасомъ его наполнитъ сердце —
Такая сердца язва въ насъ, какъ слѣдъ
Стрѣлы, пронзившей невредимый воздухъ,
Какъ слѣдъ орлиныхъ крылъ въ лазури неба,
Какъ отъ весла бразда на Океанѣ.
Насъ мысль о смерти покидаетъ вмѣстѣ
Съ слезою грусти, съ сей природы данью
Въ гробъ милыхъ падшей въ часъ разлуки вѣчной.
Могу-ли я забыть Филандра? Нѣтъ!

О сердце, полное печали! Дай я
Стенаньямъ волю, мнѣ не станетъ ночи,
И жавронокъ мои услышитъ вопли.
Онъ пробуждаетъ звучнымъ гласомъ утро;
Въ груди, язвимой терніемъ жестоко,
Во тмѣ я пѣснью услаждаю горесть
Тебѣ подобно, Филомела; звѣздъ,
Прошу, какъ ты вниманья, и вотще:
Онѣ твоимъ внимаютъ лишь напѣвамъ.
Но не гордись: иные есть пѣвцы,
Ихъ гласъ плѣняетъ позднее потомство.
Одѣтый мглою, плѣнникъ тмы, во тмѣ
Восторговъ ихъ я вторю изліянья,
Мученія тѣмъ сердца заглушая;
Мнѣ чувства ихъ доступны, но не пламень.
О если-бъ, мрачный, хоть и не слѣпецъ,
Какъ Меонидъ, иль Мильтонъ, ты, имѣлъ я
Вашъ гласъ, иль твой, соперникъ Меонида!
Ты человѣка пѣлъ; летя за жизнь
Безсмертнаго пою я человѣка.
Что-жь днесь и важно, если не безсмертье?
О, если-бъ ты избралъ сей путь высокій,
Изъ царства мрака въ вѣчный день ведущій!
О, если-бъ ты на пламенныхъ крылахъ
Взлетѣлъ туда, отколѣ пасть я долженъ:
Безцѣннымъ міръ сокровищемъ владѣлъ-бы
И тщетнаго труда не предпріялъ я!

Съ Англ. М. Вронченко.

зовешъ его *деревенскимъ*. Правда, есть разница между житьемъ помѣщика въ городѣ и въ деревнѣ: въ деревнѣ подчиваютъ васъ шиповкой, а не Шампанскимъ, возятъ гулять между полями, засѣянными хлѣбомъ, и до смерти надоѣдаютъ вамъ разсказами о жатвахъ и покосахъ, но—тутъ и кончилось все деревенское! Топъ-же бостонъ послѣ обѣда, тѣ-же слуги съ тарелками за обѣдомъ, тѣ-же концерты, которые надоѣли вамъ въ городѣ, тѣ-же кузины, тетушки и матушки, тѣ-же шляпки и чепчики, гувернёры и моськи, которыхъ вы видали въ городахъ зимою. Иногда помѣщикъ захочетъ показать вамъ деревенскую простоту: прикащикъ сгонитъ на барскій дворъ *мужиковъ* и *бабъ*, господинъ дастъ имъ поцѣловать ручку, велитъ пѣть, плясать, кланяться, и дозволяетъ напиться до пьяна.

Узнаете-ли деревню въ такомъ деревенскомъ быту? Повторю, что сказалъ: *мы не знаемъ Русскихъ деревень*. Наши сказочники рѣдко попадаютъ на правду: они списываютъ большею частію не свое, а всего скорѣе ничего не пишутъ о Русскихъ деревняхъ. Отъ того, мы представляемъ себѣ ихъ и хуже и лучше, нежели каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ. Бульварный романистъ розовою водою разрисуетъ вамъ счастье, милое, беззаботное веселье Русскаго пастушка, нѣжную подружку его, сельскую красавицу, а читатель

его, когда ѣхавши по большой дорогѣ въѣзжаетъ въ Русскую деревню, тонетъ въ грязи или колотится по деревянной мостовой, видитъ два ряда однообразныхъ, запачканныхъ или выбѣленныхъ хижинъ, нѣсколько колодцовъ по обѣимъ сторонамъ, пестрыя перила вокругъ дворовъ, толпу народа у питейнаго дома, сельскихъ красавицъ въ понявахъ и сарафанахъ, совсѣмъ не поэтическихъ, когда за нимъ бѣгутъ общипанные, босые мальчишки и просятъ милостыни... признайтесь, что читателю идиллій розоваго романиста Русская деревня кажется недостойною красокъ и лиры, а розовое описаніе просто враньемъ? Но и бульварный романистъ и читатель его равно ошибаются.

Нѣтъ! Не въ господскій домъ, не на почтовыхъ и не по большой дорогѣ надобно намъ ѣхать. Посохъ въ руки, далѣе въ сторону отъ пыльной дороги, въ лѣсъ, въ поле: тамъ Русская деревня; идите въ ту деревню, вокругъ которой нетронутые ни исправникомъ, ни помѣщикомъ, стоятъ огромные стога сѣна, а на гумнахъ скирды хлѣба торчатъ какъ сахарныя головы и желтѣютъ отъ лучей заходящаго солнца; мѣльница стучитъ, и колдунъ-мѣльникъ насыпаетъ возы хлѣба; тучныя, беззаботныя стада бродятъ вокругъ. Для чего толпу людей подлѣ Бахусова храма вводитъ съ характеристику Русской деревни? Это шалуны, повѣсы дерев-

ни: этотъ народъ вездѣ водится. Я поведу васъ лучше къ мірской избѣ, гдѣ люди бывалые, какъ лунь сѣдые, и зажиточные крестьяне толкуютъ и судятъ *міромъ* и *съ міромъ*, важно, чинно. Не презирайте ихъ совѣта: дѣло большое занимаетъ ихъ. Батюшкѣ-Царю понадобились люди: у него война за святую Русь съ басурманомъ съ Французомъ, съ Шведомъ, и они гадаютъ кому чередъ на Царскую службу, они разстаются съ дѣтьми, съ родными. Пойдемъ въ церковь ихъ, простую, благолѣпную, посмотримъ на ряды крестьянъ, вглядимся, какъ тихо, внимательно слушаютъ они слово Божіе, какъ усердно, въ простотѣ сердца, кладутъ земные поклоны. Святость религіи живо почувствуете вы только въ сельской церкви, гдѣ умъ покоренъ вѣрѣ, гдѣ жизнь безвѣстная, начинаясь крещеніемъ въ храмѣ, кончится въ немъ-же, и тихій крестъ дѣдовской могилы видѣнъ юному внуку изъ оконъ хижины его. Не бойтесь грубаго балахона и зипуна крестьянскаго: подъ ними часто бьется сердце золотое, доброе, горячее. Русскій крестьянинъ говорливъ, словоохотенъ: поговорите съ нимъ, спросите у него; не пугайтесь его неученаго выговора, его невылощеныхъ фразъ: вы найдете въ нихъ умъ свѣжій, простой и, нерѣдко, сильный. Крестьянки Русскія не пастушки Аркадскія, но какъ часто вы увидите на щекахъ ихъ розы, въ сердцѣ найде-

те сильныя страсти, услышите рѣчь умную и смышленную. Подите въ деревню вечеромъ, въ праздникъ, когда хороводы ихъ, издалека видимые, песпрѣютъ на зелени луга: до сердца Русскаго долетятъ звуки ихъ родной, унылой пѣсни; они напомнятъ ему безвѣстную красавицу, погибшую отъ любви къ милому другу, добраго молодца, который не пережилъ красной дѣвицы....

Нѣтъ, друзья мои, я знаю Русскихъ крестьянъ, я живалъ, говаривалъ съ ними, просиживалъ вечера въ ихъ бесѣдахъ, въ ихъ хороводахъ, слыхалъ многое, что западало мнѣ въ душу и оставалось въ памяти. У нихъ свой міръ, свои повѣрья, свой умъ, свои недостатки и добродѣтели. Дай мнѣ перо Ирвингъ, Цшокке, я разсказалъ-бы вамъ много, много такого, что споило-бы разсказа о нашихъ городскихъ красавицахъ, Швейцарскихъ пастухахъ и Шотландскихъ горцахъ. И какъ мнѣ жаль, что я не могу изобразить вамъ настоящаго быта Русскихъ крестьянъ, ихъ жизни, нравовъ, обычаевъ! И въ деревняхъ также горятъ страсти, также любятъ, также бываютъ счастливы и тоскуютъ, какъ въ бѣлокаменной Москвѣ и въ позолоченномъ Петербургѣ. Тамъ есть свои богачи, свои бѣдняки... Вспомни, послушайте: мнѣ пришла теперь въ голову *быль* Русская, простая, неукрашенная: я разскажу вамъ, какъ она случи-

лась. Мой разсказъ не выдумка. Въ Москвѣ многіе помнятъ еще эпу быль и не дадутъ мнѣ солгать. Я выведу вамъ Русскихъ крестьянъ, буду говорить ихъ языкомъ, и—припишите моему неумѣнью, если простой разсказъ мой вамъ не понравится.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Москвы жилъ былъ въ одномъ большомъ селѣ крестьянинъ... назовемъ его *Ѳедосей*, сынъ крестьянина Панкратья; имени дѣда онъ почти не помнилъ, а прадѣдовой и могилы не зналъ: крестъ съ нее свалился, она вросла въ землю и сравнялась съ землею. Фамилій у крестьянъ нашихъ почти не бываетъ; развѣ изрѣдка привяжется къ кому нибудь изъ нихъ кличка *долгорукаго, немазанаго, сухаго, хромаго.* Горожане страхъ какъ дорожатъ такими кличками, а въ деревняхъ этого обычая не водится. И такъ просто *Ѳедосей Панкратовъ*, жилъ и поживалъ въ своемъ большомъ домѣ, молился Богу, любилъ жену, любилъ дѣтей (Богъ далъ ему трехъ сыновъ) и мало зналъ горя и кручины. Добрые люди говорили, что Богъ благословилъ Ѳедосея за его добродѣтель, его гостепріимство и радушіе ко всякому. Въ самомъ дѣлѣ: у Ѳедосея всегда бывали отворены ворота для проѣзжаго и прохожаго. Принималъ онъ ласково, сѣно вѣсилъ честно, овесъ мѣрялъ съ верхомъ, кормилъ сытно, и за все бралъ дешевле другихъ.

Съ проходящихъ-же Ѳедосей ничего не бралъ, а иногда, видя хвораго, копорый тащился на родину изъ Москвы, гдѣ работалъ въ попѣ лица и ошкуда вмѣсто деньжонокъ несъ пустую котомку, Ѳедосей дастъ бывало еще бѣдняку на дорогу хлѣба и гривенникъ, а иного, ѣдучи по пути, довезетъ до ближней деревни, и за все требуетъ одного: *помолись за* Ѳедосея! Если-же шелъ странникъ, или шла странница, въ Кіевъ, или въ Соловки, Ѳедосей всегда бывало пошлетъ на свѣчку. Онъ любилъ и погулять съ пріятелями, но не въ кабакѣ: людъ у него собирался почетный; выборные, сотскіе, самъ староста бывало обнимаются съ Ѳедосеемъ, и увѣреніямъ въ дружбѣ, спасибамъ за хлѣбъ за соль конца нѣтъ. Ѳедосей живалъ на добрую стать: только у него и у старосты въ цѣломъ селѣ были самовары, и когда бывало поразгуляются гости, то самоваръ и на столъ, и пока осушатъ его, воды не жалѣютъ; чай пивали у него всѣ гости съ сахаромъ, въ прикуску, и многіе, жалѣя сахара, уносили кусочекъ его домой ребятишкамъ, а желтую воду, которую называли чаемъ, выпивали такъ, просто. По самоварамъ что-ли, у старосты съ Ѳедосеемъ было особое душевное сродство и пріятельство. Ѳедосей радовался этому, и не безъ причины: три сына, молодецъ къ молодцу, росли у него; у старосты была дочь—заглядѣнье, и наслѣдница всего до-

бра. Сколько увивалось вокругъ нея молодёжи, сказать трудно! Но красавица Груня ни на кого не смотрѣла. Староста Филаретъ, отецъ ея, высматривалъ, выглядывалъ молодца, хотѣлъ избраннаго принять къ себѣ въ домъ, и вся деревня думала, что Ванюша, младшій сынъ Ѳедосеевъ, будетъ зятемъ старосты.

Но почему такъ думали люди? Надобно признаться, что хотя всѣ сыновья Ѳедосеевы были молодцы статные, видные, добрые и работящіе, но старшій — зашибался хмѣлиной! Богъ знаетъ, откуда привязалась къ нему эта бѣда: кажется, что и въ роду ихъ не бывало пьющихъ. Кто Русской человѣкъ не пьетъ? Но выпить съ радости не бѣда, а пить, чтобъ пьяну быть, это, всякій православный скажетъ, не лучше картежничества. Что-жь дѣлать! Бѣда такая случалась съ бѣднякомъ Осипомъ, рѣдко, но все случалась, и иногда Ѳедосей куда грозно высчитывалъ ему худыя слѣдствія его дурной склонности. Осипъ плакивалъ съ горя, крѣпился, давалъ обѣщанія отцу и матери, и опять не могъ успоять противъ искушенія. Особливо прокляпыя Московскія рестораціи пуще всего губили Осипа. Бывало Осипъ пріѣдетъ въ Москву, продастъ хлѣбъ, овесъ, живность, и только что зазвенитъ у него деньга въ мошнѣ, откуда ни возмутся *пріятели*, зазовутъ распить полгаленка чаю, разопьютъ: Осипу надобно *поставить* другой,

намъ пивца, и Осипъ начнетъ писать мыслете! Масляные здоровяки, прислужники ресторацій, хорошо знаютъ чѣмъ приласкать деревенскаго гостя. Ихъ бѣганье, ихъ обольстительное спучанье тарелками и чашками, ихъ услужливые клики: *ась, ась, ась,* когда гость спучитъ повелительнымъ ножикомъ въ мѣдную полоскательную чашку, все это гибель крестьянскому карману, здоровью и счастью. Знаете-ли, что меня всегда грусть беретъ, когда я хожу по Московскимъ улицамъ и вижу, въ растворенныя окошки, добрыхъ нашихъ крестьянъ вокругъ засаленныхъ скатертей въ ресторацiяхъ! Шагу по Москвѣ не ступишь, чтобы не попался вамъ *Лиссабонъ*, *Краковъ*, *Казань*, или рука изъ облаковъ съ подносомъ и чашками, или два самовара, намазанныя по сторонамъ слова: *Растеряція.* Я готовъ-бы каждому посѣтителю ихъ сказать: « Что ты здѣсь дѣлаешь, бѣднякъ! « Бѣги домой, стыдись торжественнаго, краснаго лица своего; купи лучше на свой рубль « саекъ домой, обновку женѣ... лучше брось « ихъ въ воду, а не трать въ ресторацiи! »... Но, *пріятели* вѣрно не такъ говорятъ, и не такъ говаривали они Осипу Ѳедосееву. Пріятели въ крестьянствѣ тоже, что въ высшихъ обществахъ карпежные игроки: это выжига, подторговщики, кулаки базарные: они бываютъ богатые и бѣдные. Всѣ порядочные люди опъ

души ихъ презираютъ; многихъ можете отличить по щегольскимъ жидовскимъ кафтанчикамъ, по жилету, по галстуху, по подбритымъ волосамъ: но ихъ терпятъ въ деревняхъ, такъ, какъ терпятъ игроковъ наши знатные бояре, графы и князья, съ ними совѣтуются какъ съ людьми опытными. Къ несчастію, часто въ свѣтѣ принимаютъ плутовство и шалости за *опыты*, и испытаннаго въ шалостяхъ и плутовствѣ называютъ въ деревняхъ *бывалымъ*, *тертымъ калачемъ*, *прошедшимъ сквозь огонь и воду*, а въ городахъ *опытнымъ*, *перегорѣвшимъ въ страстяхъ*.

Но я заговорился, и забылъ о чемъ шло дѣло. Разумѣется, что Осипъ не могъ уже нравиться старостѣ и быть суженымъ Груни. Братъ его средній былъ что называютъ у насъ мизантропъ, а въ деревнѣ *нелюдимъ*. Съ измала онъ росъ молчаливый, угрюмый, не ходилъ въ посидѣлки и хороводы, бѣгалъ отъ людей, а въ бесѣдахъ сидѣлъ задумавшись, какъ будто иголку проглотилъ. Отцу нѣчего было на него пожаловаться: Сергѣй былъ притомъ овечка дома и волъ на работѣ. Что-же? Вѣдь не вложишь веселья въ душу, когда она веселиться не хочетъ! Бываютъ ужъ такіе не веселые люди съ роду, Богъ знаетъ отъ чего. Такому человѣку дайте чиновъ и почестей, золота и серебра, и добрую жену и всякихъ земныхъ благъ:

у него душа все отпалкиваетъ, ей все не мило: хандра, какъ червякъ, точитъ сердце, и напрасно говорятъ, что у простыхъ людей ея не бываетъ. Такой нелюдимъ могъ-ли понравиться Грунѣ, веселой, рѣзвой? Сергѣй-же сказалъ отцу своему на отрѣзъ, что никогда не хочетъ жениться. Ѳедосей думалъ, качалъ головою, наконецъ сказалъ: *авось образумится*, и оставилъ попеченіе, тѣмъ болѣе, что Ванюша, третій сынъ его, любимецъ матушкинъ, былъ и красивѣе обоихъ братьевъ, и ни сколько не походилъ на нихъ.

Вотъ былъ красавецъ и душой и тѣломъ! Русые волосы его кудрявились на головѣ сами собою; румянецъ игралъ во всю щеку, хотя загорѣлое лицо и грубыя руки показывали, что Ванюша былъ не бѣлоручка. Въ самомъ дѣлѣ, никто лучше его не умѣлъ сколотить борона, обтесать доски, загородить клѣпушки, покрыть соломою навѣса, выпрячь, запрячь и въ ухабѣ сберечь, какъ говоритъ пословица. На покосѣ онъ шелъ всегда въ первой косѣ; вѣрно узналъ онъ вёдро и ненастье по примѣтамъ, и ничто изъ рукъ у него не вываливалось. Но бывши первымъ въ работѣ, онъ не былъ вторымъ и на посидѣлкахъ и въ хороводахъ. Когда въ праздникъ выходилъ онъ щеголемъ, въ своей черной поярковой шляпѣ, красной александрійской рубашкѣ, шелковомъ пояскѣ съ серебромъ, въ кафтанѣ на

распашку, и шелъ по деревнѣ, то всякой дѣвушкѣ бывала надобность выбѣжать за вороты или выглянуть за окошко: то надобно было подать Христа ради, то надобилось бѣжать къ колодцу за водою, то курицы уходили далеко, то маленькіе брапишки плакали; но что и говорить о причинахъ, когда дѣвушка ихъ сыскиваетъ! Мнѣ кажется иногда, что Богъ замѣнилъ у женщинъ умъ хипростью, и дѣвушки такъ-же бываютъ хитры въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, когда надобно украсть минутку у работы, или провести старушку бабушку или старичка дѣдушку. Я самъ видалъ... но что толковать о старинѣ! Разумѣется, что Ванюша не былъ олухомъ при ласковости своихъ сосѣдокъ. Къ одной подвертывался онъ съ привѣтливымъ словцомъ; другой кланялся; идя мимо третьей, затягивалъ пѣсенку, въ которой величались ея черные глаза или русые волосы. А глаза Ванюши говорили лучше всякихъ пѣсенъ: этотъ разговоръ понятенъ вездѣ. За то конца не было привѣтствіямъ. «Ванюша, здорово!» раздавался тоненькій голосокъ съ одной стороны.—«Куда ты, Ваня?» говорили съ другой.—«Иванъ Ѳедосеичъ! здравствуй, каково ты живешь? Будешь-ли сего дня у свата Парамона?» спрашивала третья. А когда въ хороводахъ и на посидѣлкахъ являлся Ванюша, тутъ-то бывало шушуканья у дѣвушекъ. Пѣсню-ли онъ запѣвалъ,

голосъ его заливался въ звонкихъ перекатахъ; сказку-ли начиналъ сказывать, прибаутками и присказкамъ счету не было. Дѣвушки смѣялись, хохотали, сердца ихъ бились сильно, сильно, щеки горѣли, глаза сіяли, какъ звѣзды: въ деревняхъ не умѣютъ скрывать сердечнаго чувства. Староста Филаретъ улыбался, поглаживалъ бороду и усы, и толкалъ Ѳедосея, когда Ванюша начиналъ пляску съ Грунею; Ѳедосей готовъ былъ самъ пуститься въ присядку съ радости, и только что бывало не вымолвитъ: «Ну, братъ, Филаретъ Карпычъ! какова парочка!» Груня шла павою, а Ванюша соколомъ подлеталъ къ ней, и коршуномъ вился вокругъ красавицы.

Но вотъ бѣда! Вдругъ дѣвушки разлюбили Ванюшу, и по дѣломъ: онъ переспалъ имъ кланяться, заигрывать съ ними, зашучивать. Что за спѣсь такая? Какая спѣсь! У Ванюши на сердцѣ зашевелилось что-то напущенное. Онъ спалъ не веселъ, не разговорчивъ, задумывался... ужь не братнина-ли хандра на него навязалась? Нѣтъ! онъ разлюбилъ всѣхъ, и полюбилъ *одну*, и такъ полюбилъ, что ему не спалось, ни пилось, ни ѣлось. Это *одна* была Груня, дочь старосты Филарета. Богъ знаетъ отъ чего! Видалъ онъ ее и прежде, и пѣвалъ съ нею, и говаривалъ и пересывалъ, а все не догадывался, что она такая близкая родня его сердцу, что безъ нея свѣтъ не милъ ему, а съ нею только онъ и хорошъ и

красенъ. Странное дѣло, что и къ Грунѣ перешла такая-же тоска: она сидѣла дома повѣся голову, сложа руки, и мать не одинъ разъ вспрыскивала ее святою водою, крестила, благословляла, и все было безполезно: Грунѣ не становилось радостнѣе. Дивились еще тому, что ни Груня Ванюшѣ, ни Ванюша Грунѣ не смѣли сказать словечка, даже стали рѣже сходиться вмѣстѣ, тосковали не видя другъ друга, а если знали, что гдѣ-нибудь могутъ встрѣтиться, то—не шли туда. Еще больше: имъ показалось, что они даже не любятъ другъ друга. Если это кажется вамъ невѣроятнымъ, то вы не любили, или любили только половиной сердца. Такова бываетъ любовь настоящая. Дѣвушки! не вѣрьте краснобаю, если онъ вамъ красиво сказываетъ, какъ онъ васъ любитъ, какъ ему ничто не мило безъ васъ! Спросите у меня: я любилъ, я натерпѣлся горя отъ злодѣя сердца, и я скажу вамъ, что тотъ, кому суждено сердце ваше, тотъ сначала покажется вамъ и дикъ, и нелюдимъ; вамъ покажется, будто онъ даже не любитъ васъ, и вы его не любите! Видали-ль вы грозу? Вспомните, что сперва найдетъ черная туча, и все заволочетъ въ глазахъ вашихъ: темно, грустно, тоскливо, а потомъ уже засверкаютъ молніи и покатится громъ, и снова засвѣтитъ солнце. Туча—первая тоска любви; громъ и молнія—любовь сердечная; громомъ и молніей небо цѣлуется съ

землею, какъ женихъ съ невѣстою! Но какъ-же это случилось, что Ванюшѣ запала тоска на сердце, когда прежде ея не было? Знаете-ли вы, красавицы, ревность? Если не знаете, не дай вамъ Богъ знать ее, но то горе, что по ней только узнается любовь. Вамъ покажется — не то, что васъ не любятъ — это-бы ничего... но что любятъ другаго или другую! Не-любовь все еще можно снести, можно умереть, и надежда гробовой тишины развѣ не отрада душѣ? А ревность — и за гробомъ не даетъ покоя: каждая улыбка счастливца шевелитъ бѣдный прахъ отверженнаго; грустно, тяжело и въ могилѣ отказаться отъ пріюта, въ которомъ отказало намъ въ здѣшнемъ мірѣ сердце человѣческое.

Вотъ такую-то тяжелую ревность узналъ Ванюша, а съ нею узналъ и то, что онъ—*любитъ* Груню! Когда прежде онъ краемъ уха слыхалъ, что ихъ называли ровней, парочкой, любовь была для него тоже, что жизнь для здороваго: онъ ея и не чувствовалъ; а когда ревность, какъ злая болѣзнь, привязалась къ нему, онъ увидѣлъ, что безъ любви Груниной и свѣтъ Божій не милъ, такъ, какъ въ болѣзни только мы узнаемъ, что жизнь дорога, мила человѣку.

Совсѣмъ нечаянно въ селѣ появился *Москвичъ*: это былъ сынъ одного тамошняго старика, но онъ смолоду ушелъ въ Москву, жилъ въ Москвѣ

долго, пропадалъ безъ вѣсти, торговалъ въ овощной лавочкѣ, переколачивалъ всякою всячиною—и совѣспью, какъ говорили многіе. Этотъ Москвичъ пріѣхалъ въ село, когда услышалъ о смерти старика отца. «Не велико, братъ, твое наслѣдспво!» говорилъ ему староста, вводя его въ запустѣвшую отцовскую хижину, бѣдную и закоптѣлую. Но Москвичъ вѣрно зналъ лучше старосты, что у старика водилось добро. Щегольски былъ онъ одѣтъ, весело смѣялся, и вотъ началъ переворачивать старыя ветошки, распечаталъ и растворилъ сундукъ, на которомъ спалъ и умеръ старикъ, отецъ его, и—какъ изумился староста, когда изъ сундука Москвичъ вынащилъ пучки ассигнацій, свертки рублевиковъ, все старинныхъ! По всей деревнѣ заговорили о богатствѣ Москвича; онъ гоголемъ заходилъ по улицѣ, сталъ приторговывать себѣ домъ, началъ ластиться къ дѣвушкамъ. Ванюша пришелъ на бесѣду къ старостѣ, и что-же? Подлѣ Груни сидитъ Москвичъ, говоритъ и смѣется, и Груня разговариваетъ съ нимъ и смѣется; Ванюшѣ показалось, что она и не глядитъ на него! Бѣдный Ванюша! Гдѣ-бы Москвичу такъ сплясать, спѣть: но Ванюша сидѣлъ, какъ истуканъ, въ глазахъ у него было темно, голова кружилась, а Москвичъ опличался: языкъ его былъ настоящая трещотка. Онъ не умѣлъ пѣть и плясать, за то разсказывалъ о Москвѣ, о Кремлѣ, объ

Иванѣ великомъ, Сухаревой башнѣ, боярскихъ домахъ, садахъ, большомъ Московскомъ колоколѣ—и всѣ его заслушались, зазѣвались! Чего Ванюша не смѣлъ-бы сдѣлать года въ три, Москвичъ сдѣлалъ въ три дня. Онъ увѣрялъ уже всѣхъ, что свелъ Груню съ ума, что сватается уже за нее, что старостa согласенъ. . . Ванюша не зналъ, что̀ дѣлать: говорить-ли съ Груней, упасть-ли въ ноги къ отцу и матери и просить ихъ родительскаго благословенія? Между тѣмъ другая, тяжкая бѣда была у него на плечахъ.

Если люди говорили, что Богъ благословлялъ Ѳедосея за его добродѣтель, то отъ чего-же вдругъ напасти нашли на этого добраго человѣка? Люди говорятъ, что будто безъ бѣды вѣкъ прожить, значитъ не быть любимцомъ Божьимъ, и что судьбы Божіи испытываютъ человѣка бѣдствіями, чтобы онъ не забывался во всегдашнемъ счастьѣ, и въ бѣдахъ перегаралъ на новое счастье, какъ золото въ горнилѣ. Правда, истинная правда, но правду эту узнаютъ послѣ, а когда горе посѣтитъ человѣка, то куда горько быть съ этимъ гостемъ, и *любимца Божьяго*, бѣдняка, люди страхъ какъ не жалуютъ. Справедливо-ли они поступаютъ, не знаю, знаю только, что когда у человѣка есть гдѣ попировать, есть что занять, то вокругъ него народъ вертится, какъ пчелы вокругъ улья, а когда человѣкъ горемыкой засядетъ безъ хлѣба, то ни

одинъ не привернется къ нему, ни одно ласковое слово не приголубитъ его; люди идутъ мимо: бѣдность не ихъ, а Божье дѣло! Иногда, смотря на міръ православный, подумаешь, что въ свѣтѣ только два рода людей: одни, у которыхъ *есть* деньги; другіе, у которыхъ *нѣтъ* денегъ; первымъ все хорошо и ладно, другимъ все плохо и неладно, и эти два разные рода не братья другъ съ другомъ!

Такъ случилось и съ Ѳедосеемъ. Вдругъ ночью, когда всѣ спали, загорѣлся у него домъ, разомъ вспыхнулъ, и едва Ѳедосей и семья его успѣли выскочить. Домъ горѣлъ, какъ свѣча, тушить было нѣкому, потому, что сосѣди отстаивали свои домы, а другіе едва успѣвали тушить головешки, которыя разносило по всей деревнѣ. Трубъ пожарныхъ въ нашихъ деревняхъ не знаютъ; правда, у воротъ каждаго дома написано, кому съ чѣмъ бѣжать на пожаръ: иному съ топоромъ, другому съ багромъ, третьему съ ведромъ, да это написано на воротахъ, а не на сердцѣ. Притомъ-же люди лѣнивы бѣгать на чужую бѣду. Пока просыпались, зѣвали, спрашивали гдѣ горитъ, жалѣли, словомъ, пока сошелся народъ— на мѣстѣ Ѳедосеева дома было только пожарище, выгоралъ погребъ и торчали черныя вереи воротъ, да печька. Однакожь, смѣлымъ Богъ владѣетъ: дѣти Ѳедосеевы бросались въ огонь, вынесли благословенную икону, сундукъ, вывели

пару лошадей, корову, хотя едва сами не сгорѣли. Ѳедосей не плакалъ, молчалъ, когда народъ шумѣлъ, спрашивалъ отъ чего и какъ загорѣлось, когда каждый отвѣчалъ, разсказывалъ, толковалъ, совѣтовалъ, жалѣлъ. «*Божья воля!*» промолвилъ наконецъ Ѳедосей, съ глубокимъ вздохомъ. Ахъ! онъ посмотрѣлъ на своихъ полунагихъ, обожженныхъ дѣтей, и на душѣ его спало горько.

И вотъ Ѳедосей безъ дома; это-бы еще ничего, но вдругъ открылось, что въ сундукѣ его не было пучка ассигнацій и свертка рублевиковъ, какъ у родителя Москвича. Былъ у него запасъ хлѣба и добра—сгорѣлъ; были долги за разными, но если нѣтъ должнику надежды занять еще, то кредиторъ можетъ поклонишься своимъ деньгамъ. Такъ и съ Ѳедосеемъ сбылось: у одного изъ должниковъ его не случилось денегъ, другой обѣщалъ, третій хотѣлъ отдать: никто не платилъ. Нѣчего дѣлать! Пошелъ самъ Ѳедосей занимать. Знаете-ли, что для человѣка, бывшаго богачемъ, ничего нѣтъ тяжеле первыхъ дней его скудости! Еще платье его и лицо не угнетены злодѣйкою-бѣдностію, еще не привыкъ онъ къ униженію, къ безстыдству, съ какою бѣднякъ проситъ, обѣщаетъ, слышитъ отказы, кланяется, а люди уже перемѣнились къ нему совершенно, видятъ въ немъ нищаго, и тѣмъ сильнѣе язвятъ его сердце своими шутками, распросами, самою жалостью своею. По крайней мѣрѣ, такъ все ка-

жется бѣдняку. Я увѣренъ, что люди добрѣе, нежели мы о нихъ думаемъ, судя по видимому; но виниите несчастное положеніе всѣхъ предметовъ въ мірѣ: счастливецъ смотритъ на нихъ съ одной стороны, гдѣ свѣтъ, а несчастливецъ съ другой, гдѣ тѣнь; одному свѣтло, другому темно. Бѣдность иногда похожа на преступленіе: не о ней говорятъ, а она краснѣетъ; о ней сожалѣютъ, а она думаетъ, что надъ нею смѣются. Что дѣлать! И вотъ нужда гнетъ бѣдняка по маленьку, пока онъ опучится глядѣть на небо, и станетъ ходить наклонясь къ землѣ, какъ будто ищетъ потерянаго клада; но клады нынѣ рѣдки на бѣломъ свѣтѣ... гдѣ найдти ихъ? Такъ и идетъ дѣло въ своемъ порядкѣ, пока могила всѣхъ уравняетъ, богачей и бѣдняковъ.

Уже добрыя дѣти Ѳедосея очистили мѣсто пожарища; на деньжонки, которыя успѣли собрать, купили лѣсу, ладили, строили, но еще не доставало многаго, чтобы на мѣстѣ бывшаго большаго дома построить хоть небольшой домишко, вмѣсто тесу покрыть его соломой, и укрыться отъ зимняго холода. Ѳедосей жилъ въ избѣ своего сосѣда, изъ дружбы... Но въ чужомъ углу куда тѣсно жить: и горшокъ щей Ѳедосеевыхъ, какъ будто мѣшалъ горшку щей его хозяина, и хозяйской коровѣ мѣшала корова госпія. Задумавшись, Ѳедосей пришелъ къ старостѣ Филарету, ста-

рому другу, съ которымъ часто пивалъ изъ одной кружки. Въ сѣняхъ вспрѣпила его Груня, обрадовалась, чуть не заплакала, и Ѳедосей, вспомня былое, также чуть не заплакалъ. «Добрая примѣта,» подумалъ онъ, вошелъ въ свѣтлицу, помолился... черный воронъ, Москвичъ сидѣлъ уже тутъ, и старостпа на веселѣ шумно разговаривалъ съ Москвичемъ. «Ѳедюха, здорово! что скажешь, брапище?» проговорилъ старостпа, поворачиваясь къ Ѳедосею и не вставая. Будто морозомъ обдало Ѳедосея: съ нимъ говорили уже, какъ съ бѣднякомъ; но скрѣпя сердце, онъ хотѣлъ заговорить о постороннемъ: его не сажали, а когда онъ самъ сѣлъ, старостпа поднялъ бороду къ верху и горделиво промолвилъ: «Аль устпалъ, Ѳедюха? Ты сегодня что-то наряденъ!» — Только тогда Ѳедосей замѣтилъ, что на немъ былъ праздничный, старый кафтанъ его. «Да другаго кафтана не осталось, Филаретъ Карпычъ, и по неволѣ наряжаюсь.» — Плохо, Ѳедюха, скоро износишь, отвѣчалъ старостпа. — «Тогда выпрошу у нищаго лохмотья или стану грѣться на солнышкѣ: Богъ даромъ даетъ намъ свѣтъ и тепло.»

Оба замолчали. «Мнѣ недосужно, братъ, теперь: у насъ, вотъ съ господиномъ-то есть дѣльцо; такъ знаешь лишніе люди мѣшаютъ,» сказалъ старостпа.—И я было за дѣльцомъ къ тебѣ, Филаретъ Карпычъ... «Да что у насъ съ тобой за дѣла, говори: не въ займы-же вѣдь ты пришелъ

просишь?» — Ѳедосей поблѣднѣлъ съ горя. «Не уже-ли,» подумалъ онъ, «на лицѣ у меня уже написано, что я пришелъ къ нему христорадничать!» и въ горести опустилъ голову. Староста, ничего не замѣчая, началъ говорить о скудости, дороговизнѣ, тяжелыхъ временахъ; Москвичъ *ничего* не говорилъ, но взоры его... ахъ! взоры богача, когда съ бѣднякомъ говорятъ о бѣдности, нестерпимы! Въ нихъ высказано все, что человѣкъ таитъ во глубинѣ своего сердца, и откроетъ только въ день Послѣдняго Суда. Когда староста кончилъ рѣчь, и снова повторилъ свой вопросъ: «Такъ тебѣ видно деньжонокъ надобно?» — Ѳедосей глухо отвѣчалъ: *нѣтъ!* схватилъ шапку, поклонился и ушелъ.

Твердыми шагами дошелъ онъ до пожарища своего, но когда увидѣлъ тамъ дѣтей своихъ работающихъ на жару, въ потѣ лица, когда услышалъ веселую пѣсню, которую пѣлъ Ванюша, едва сдвигая тяжелое бревно силы его оставили, онъ сѣлъ на опрубкѣ и горько зарыдалъ. У крестьянъ чувства грубѣе нашихъ, слабыхъ нервныхъ чувствъ, но когда горесть пробьетъ крѣпкую кожу, потрясетъ сильные мускулы, горесть походитъ на тяжкую лихорадку. Развѣ грубый крестьянинъ не налагаетъ на себя рукъ, не губитъ иногда души своей? Какому-же сильному чувству должно возмутить душу человѣка въ здѣшнемъ мірѣ, когда онъ губитъ ее на вѣки и

въ будущемъ свѣтѣ! Будемъ дорожить горестями, слезами крестьянина: слезы его ѣдки, и напечатлѣнное ими никогда не изглаживается передъ Богомъ...

Дѣти Ѳедосея, видя отца своего всегда грустнымъ и унылымъ, не утѣшали его: они не умѣли утѣшать словами; когда Ѳедосей заплакалъ, они перестали только пѣть, и молча работали.

Я скажу вамъ напрошивъ дивное дѣло: съ тѣхъ поръ, какъ сгорѣлъ домъ Ѳедосея, дѣти его совсѣмъ перемѣнились. Сергѣй, всегда задумчивый, угрюмый, вдругъ повеселѣлъ, началъ смѣяться, иногда сидѣлъ долго одинъ, разводилъ руками, что-то говорилъ про себя, крестился, но не грустилъ. Ванюша былъ какъ темная ночь, на другой день послѣ пожара, а на третій такъ сдѣлался веселъ, что мать долго смотрѣла на него и говорила молитву. Разскажу, отъ чего все это было.

Принимая участіе въ общей печали, Ванюша еще болѣе сокрушался, когда думалъ, что въ этомъ пожарѣ сгорѣли всѣ его надежды на счастье: онъ сталъ бѣднякомъ! «Что-жь за бѣда?» говорилъ онъ. «Я молодъ, здоровъ, поле у «насъ не выгорѣло: сыты будемъ; хашу сгоно- «шимъ опять, хотя и поменьше, а можетъ, «Богъ благословитъ насъ, еще разживемся лучше «прежняго. Но Груня! Господи Боже мой! ей «ужь не бывать за мною: она богата, отецъ «ея староста, а я сынъ бѣдняка! И сама Груня

«станетъ-ли ждать, пока я разбогатѣю? Этотъ «Москвичъ прокляпый оглушитъ отца звономъ «своихъ денегъ, облелѣетъ дочь своими ласковыми «словами... пропала моя голова!» Но тутъ началъ онъ думать, что Груня и не любитъ его, что онъ никогда не былъ ей милъ. Вотъ бѣдный Ванюша ходилъ цѣлый день кручиненъ, печаленъ; куда дѣвалась у него вся охота работать, прудиться. Но отъ чего сдѣлался онъ веселъ на другой день? Если хотите, это маленькая дѣвичья тайна, и я боюсь, чтобы дѣвушки не почли меня болтливымъ, не перестали мнѣ сказывать тайнъ своихъ... а знаете-ли, какъ весело быть повѣреннымъ тайнъ милой дѣвушки, говорить откровенно съ ея чистою, какъ весеннее небо, душею? Что дѣлать! Я обѣщалъ сказать, и исполню обѣщаніе.

Въ деревнѣ Ванюшѣ показалось душно; ему мерещилось, что все еще дымъ отъ пожара выѣдаетъ глаза и невольно заставляетъ навертываться на глазахъ слезы; онъ побрелъ въ поле, въ лѣсъ, ходилъ самъ не зналъ гдѣ; вдругъ глядь.... передъ нимъ Груня! Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Груня ходила въ ближнюю деревню къ теткѣ, и какъ будто знала, что поворотя ближнею, окольною дорогою, она встрѣтитъ что-то радостное. Мудрый Сократъ имѣлъ у себя услужливаго демона, который шепталъ ему куда идти; у дѣвушекъ есть такой демонъ:

это ревнивое ихъ сердце, вѣщунъ и отгадчикъ. Груня ахнула, испугалась; Ванюша также испугался... чего-бы кажется? Но испугъ бываетъ продолжителенъ только при людяхъ, а тогда кромѣ алаго солнца, закатавшагося за дальнее поле, и свѣтлой вечерней звѣзды, блиставшей на другомъ краю небосклона, не было другихъ свидѣтелей: Ванюша и Груня были одни одинёхоньки, и черезъ нѣсколько минутъ рука Груни была въ рукѣ Ванюши, и одинъ взоръ Груни высказалъ ему все, о чемъ онъ крушился, горевалъ и тосковалъ.

«Груня, душа моя!»

— Ванюша, милый другъ мой!

Они забыли вчерашній пожаръ, забыли, что теперь они не были уже ровнею въ глазахъ людей, и крѣпко обняли другъ друга.

Не буду разсказывать, что они говорили. И что-бы могъ я разсказать вамъ? Такихъ разговоровъ не помнятъ и сами разговаривавшіе: помнятъ только, что сердцамъ ихъ было хорошо, какъ на небѣ, что время летѣло непримѣтно, а что говорено, Богъ знаетъ! Одно слово: *люблю*, остается отъ всей бесѣды.

Ванюша узналъ, что Груня *любитъ* его, сказалъ Грунѣ о своемъ горѣ и—«Не уже-ли ты думаешь, что я забуду тебя, когда ты сталъ бѣденъ?» сказала ему Груня.

— Нѣтъ, не думаю, но твой отецъ, Груня—охъ! этотъ Москвичъ—

«Провались онъ съ своимъ золотомъ и съ деньгами. Кромѣ тебя, ни за кѣмъ не быть Грунѣ: ты, или—никто!»

Тутъ Груня разсказала, какъ безстыдно налгалъ на нее Москвичъ. Груня ни однажды не сказала ему даже ни одного ласковаго слова. Онъ сватался правда за нее; и Филаретъ былъ согласенъ, но Груня отказалась, и со слезами молила отца не губить ее.

— Тебя принудятъ, Груня! Кто противъ власти родительской?

«Да развѣ языкъ у меня отсохнетъ сказать: *нѣтъ!* если-бы и насильно припащили меня къ налою? Вѣдь батюшка нашъ Священникъ всегда спрашиваетъ... Ты разживешься, подождешь...»

— А между тѣмъ?

«А между тѣмъ, будто я не найду отговорокъ: годъ притворюсь больною, на другой—безумною...»

— Груня, Груня! я буду причиною, что вмѣсто веселья, житье твое будетъ горькое.

«Но какое-же веселье было мнѣ до сихъ поръ? Я теперь только и стала весела, когда узнала, что ты вправду меня любишь. Не бойся: я сказала уже батюшкѣ, что дала обѣщанье идти въ Кіевъ съ бабушкой на богомолье, и къ Троицѣ... за тебя буду я молиться, Ванюша, за твое здоровье—и вотъ годъ пройдетъ, тамъ еще годъ... Довольно-ли тебѣ *два* года?

— Груня! — вскричалъ Ванюша — въ два года я разбогатѣю снова, право разбогатѣю, и пусть тогда отецъ твой возметъ за тебя все мое доброе.—Онъ такъ крѣпко обнялъ Груню, что она испугалась, вырвалась и убѣжала.

И послѣ этого еще-бы не повеселѣть Ванюшѣ, еще-бы матери его не удивляться его веселью! Ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что *два года* Богъ вѣсть сколько времени, что въ два года онъ успѣетъ опять нажить столько, чтобы потягаться съ Москвичемъ и перетягать его. Радостно всталъ онъ на зарѣ, радостно работалъ, и пѣлъ за работою. Груня прошла мимо, и цѣлый день пролетѣлъ для него весело.

Веселись, бѣдное дитя природы, веселись: ты не знаешь еще, какъ тяжело, невозможно приобрѣсть права на руку Груни, если для этого надобно *нажить деньги!* Все другое легко: будь добръ и честенъ, наживешь *доброе имя;* будь работящъ и прилеженъ—будешь *сытъ и доволенъ.* Но *нажить деньги* трудно, а быть счастливымъ, если безъ этого не льзя быть счастливымъ—не суждено тебѣ никогда! Золото не падаетъ съ неба въ суму бѣдняка; люди не дарятъ его тому, кто на него можетъ купить себѣ счастье. Отецъ твой узналъ уже эту истину у отца Груни...

Но въ свѣтѣ не безъ добрыхъ-же людей. Нежданно, нежданно, вдругъ засчастливала по деревнѣ

повозка: ѣхалъ торгашъ, *ходевщикъ*, *Суздалъ*. Знаете-ли, что это за люди?

Такъ называются торгаши, которые ѣздятъ изъ одного конца Руси въ другой, по городамъ, ярмаркамъ, деревнямъ, и вездѣ добрые гости, вездѣ умѣютъ выгадать копѣйку, торгуютъ. Ходевщиками называютъ потому, что они вездѣ ходятъ съ своимъ товаромъ, и въ барскій домъ, и въ крестьянскую избушку; Суздалами потому, что большая часть ихъ родомъ изъ Сѣверныхъ губерній, гдѣ земли много, но хлѣбъ худо родится, и жители принуждены промышлять рукодѣльемъ, а другіе торговать. Нѣтъ худа безъ добра: они наживаютъ огромныя деньги, которыхъ не выпашетъ себѣ крестьянинъ въ самой хлѣбородной губерніи. Съѣзжаясь въ Москву, Суздаль забираютъ себѣ товаръ, половину въ долгъ, половину на деньги, укладываютъ въ повозку, и ѣдутъ куда глаза глядятъ. Имъ все рука: продать, купить, промѣнять; есть у нихъ книги, и пестредка, парча и холстъ, бархатъ и ситецъ. Пріѣхалъ Суздалъ въ деревню, вотъ и ярмарка, а гдѣ ярмарка, тамъ и ходевщикъ.

Такой-то торгашъ пріѣхалъ теперь въ деревню, и прямо къ госпепріимному Ѳедосею, когда тотъ, сложа руки, смотрѣлъ на новый домишко свой, и не зналъ, что̀ дѣлать. Домишко выведенъ былъ только до верхняго вѣнца окошекъ, а достроить его было нечѣмъ.

Какъ изумился старый знакомый, когда вмѣсто пріюпа, приволья, хлѣба-соли и чаю, онъ увидѣлъ всегдашнюю свою кварпиру въ обгаркахъ, а радушнаго, всегда веселаго хозяина, въ горѣ, въ раздумьѣ.

Начались распросы, разсказы: гость качалъ головою, кряхтѣлъ, и выслушавъ все, весело хлопнулъ Ѳедосея по плечу, примолвя: «И! не грусти: гдѣ была вода, памъ и будетъ.»

— Будетъ? спросилъ печально Ѳедосей.

«Будетъ!» повторилъ гость. «Пойдемъ къ тебѣ на кварпиру, да отдохнемъ; утро вечера мудренѣе.»

Хотъ и въ чужомъ углу, Ѳедосей угостилъ пріѣзжаго чѣмъ Богъ послалъ. Привыкши ночевать и въ хоромахъ боярскихъ и въ цыганскомъ таборѣ, ходевщикъ напоилъ лошадей своихъ, задалъ имъ на ночь овса, помолился, растянулся на лавкѣ, положа кафтанъ подъ голову, и тотчасъ захрапѣлъ. Назавтра, чѣмъ свѣтъ всталъ онъ, смазалъ свою повозку, и отвелъ Ѳедосея въ сторону.

Молчаливо пошелъ съ нимъ Ѳедосей. Онъ и не думалъ просить у него помощи. Кромѣ того, что у купца никогда не бываетъ лежачихъ денегъ, извѣрившись въ пріятеляхъ, Ѳедосей не хотѣлъ лишній разъ слышать отказа. Какъ-же

изумился Ѳедосей, когда гость его самъ предложилъ ему 100 рублей готовыхъ, и 100 рублей, черезъ три мѣсяца, съ тѣмъ, если онъ отдастъ ему сына Сергѣя въ работники. «Я говорилъ ужь съ нимъ,» сказалъ добрый Суздалъ, «и Сергѣй твой согласенъ: малой онъ не разгульный, приучится къ нашему дѣлу не долго; я становлюсь спаръ, а поле твое обработаютъ двое другихъ сыновей. Я далъ себѣ зарокъ не давать въ долгъ и въ ссуду, но теперь не въ долгъ даю, и зарока не переступаю. Мнѣ надо помощника.» Ѳедосею казалось, что Богъ умилостивился надъ нимъ. Позвали Сергѣя, и тотъ пришелъ веселый, радостный. Объяснилось все дѣло: Сергѣя всегда тяготило деревенское бездѣйствіе; все ему казалось, что не на одномъ мѣстѣ человѣку должно жить, а бродить по бѣлу свѣту; отецъ вѣрно не отпустилъ-бы его прежде, но теперь, Сергѣй исполнялъ свое желаніе, давалъ неожиданную помощь отцу, видѣлъ передъ собою открытымъ бѣлый свѣтъ, и радовался пуще Ванюши. Суздалъ вынялъ свою кожаную книжку, отсчиталъ новенькими бумажками 100 рублей, вычелъ за промѣнъ, Сергѣй одѣлся, и повозка покатилась въ ближнее село, гдѣ въ тотъ день была маленькая ярмарка. «Въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей!» говорилъ Ѳедосей, пересчитывая въ третій разъ свою сотню рублей. Ему показалась она богатствомъ, когда

прежде и самъ онъ ссужалъ другимъ по полусопинѣ.

Прошу послѣ этого угодить на людей! Когда Ѳедосей былъ богатъ, онъ не зналъ цѣны своимъ деньгамъ, Ванюша его печалился, Сергѣй хмурился; теперь, когда всѣ они обѣднѣли, Ванюша былъ веселъ, Сергѣй тоже, а Ѳедосей узналъ, что Русская пословица не лжетъ: не въ счетѣ деньга, а въ цѣнѣ.

И такъ, отстроили домикъ Ѳедосеевъ. Еще до заморозовъ попросилъ онъ къ себѣ Священника, отслужилъ молебенъ, и съ благословеніемъ Божіимъ перешелъ въ новое свое жилище. Осипъ поѣхалъ въ Москву и привезъ всю выручку сполна. Теперь, имѣя опять домъ и не нуждаясь ни въ чьей помощи, Ѳедосей являлся на мірскую сходку по прежнему, былъ уважаемъ другими, но не могъ однакожъ не замѣтить разницы прежняго и нынѣшняго житья своего. Никто не попрекалъ его ничѣмъ; но... уже голосъ его не былъ силенъ въ мірскомъ опредѣленіи; иногда его просто не слушали; сидѣлъ онъ въ двадцатомъ мѣстѣ, и ни старостa къ нему, ни онъ къ старостѣ не ходили въ гости. Случись-же, какъ нарочно: Москвичъ выстроилъ себѣ домъ подлѣ Ѳедосея, и этотъ домъ, заслоняя своею тѣнью домикъ Ѳедосея, точно какъ будто туча застилалъ его душу. Ѳедосей не

сказывалъ ничего домашнимъ, но смѣкалъ, что между Москвичемъ и спаростою дѣло слажено. Зная, что Ванюша любитъ Груню, Ѳедосей не могъ не подумать: свадьба Москвича убьетъ бѣднаго парня! Кромѣ того, гдѣ тонко тушъ и рвется: недостатки все одолѣвали Ѳедосея. Все купи, все заведи сызнова: и чашку, и ложку, и плошку. Надолго-ли достанетъ крохъ небольшихъ, когда въ запасѣ ничего нѣтъ? Годъ этотъ, какъ нарочно, случился неурожайный: отъ безпрерывныхъ дождей сопрѣло сѣно; грязи стояли до Рождества: ни выйдти, ни выѣхать...

Но Ванюша все еще былъ веселъ, хотя полгода прошло, а о большихъ деньгахъ не было еще слышно. Сколько разъ сидѣлъ онъ и думалъ: какъ наживаютъ деньги? Если-бы надобно было за богатство два эти года работать на каторгѣ, съ какою охотою пошелъ-бы туда Ванюша, чтобы черезъ два года принесть старостѣ кусокъ фунта въ два золота, и купить себѣ на него радости и счастья.

«Батюшка,» сказалъ онъ однажды Ѳедосею, «скажи: сколько надобно рублей, чтобы люди называли богатымъ?»

— Сколько? отвѣчалъ отецъ смѣючись: столько, чтобъ быть сыту, не просить въ займы, и припрятывать копѣйку на черный день.

« Я слыхалъ, что на Руси съ голоду еще никто не умиралъ здоровый, » отвѣчалъ Ванюша. « Да я не о томъ спрашиваю. Вотъ теперь Москвича называютъ богачемъ; какъ думаешь, что у него, много-ли?

— А чужая душа потемки; Богъ вѣсть! говорятъ, рублей не одна сотня лежитъ у него, а можетъ и тысяча найдется съ хвостикомъ.

« Тысяча? Стало, если-бы у тебя была тысяча, ты былъ-бы богачъ? »

— Что дѣлать, дитятко! Было и у меня, можетъ статься, да Богу было не угодно.

« Эхъ! родной, да мы опять наживемъ: вѣдь деньги дѣло нажитое. »

— Трудно нынѣ, Ванюша, нажить. Къ сотнѣ другая сотня все таки льнетъ, а на копѣйку другая копѣйка ворогомъ смотритъ. У меня и отъ отца осталось благословенье, и послѣ того, я двадцать лѣтъ жилъ, да копилъ, и тутъ все къ тысячѣ не доставало цѣлой сотни, а если копѣйки не будетъ доставать, то все тысяча не полная.

Ванюша замолчалъ. *Двадцать лѣтъ! тысяча рублей!* Эти слова повторялъ онъ про себя разъ сотню, и они принудили его задуматься. *Двадцать* лѣтъ! да это цѣлый вѣкъ! а изъ двухъ годовъ, которые врѣзались у него въ сердцѣ, прошло уже болѣе полугода. Чего

не придумывалъ, чего не передумалъ Ванюша! Все, кромѣ покушенія на добро ближняго. Грѣшный человѣкъ! иногда вспадало ему на умъ запалить огнемъ хоромы Москвича: пусть-бы и его тысяча рублей сгорѣла, чтобы ни ему, ни Ванюшѣ не доставалась Груня... Но черезъ минуту такая мысль ужасала доброе сердце Ванюши: онъ крестился, и прогонялъ нечистое наущеніе, каялся въ грѣхѣ. Иногда перебиралъ онъ въ головѣ разсказы о кладахъ, объ исканьѣ ихъ въ Ивановъ день, о травѣ папоротникѣ, которая въ самую полночь цвѣтетъ огнистымъ цвѣтомъ, и готовъ былъ на всѣ ужасы привидѣній, только-бы достать эту невиданную траву. Но Ивановъ день давно прошелъ: надобно было ждать его.

Кто-же изъ насъ въ жизни не ждалъ Иванова дня? Кто не подстерегалъ цвѣта папоротника, невиданнаго людьми? Цѣлыя поколѣнія гоняются другъ за другомъ, ищутъ цвѣтка этого, и не находятъ его въ здѣшнемъ мірѣ. Этотъ цвѣтокъ—счастье. Для Ванюши все счастье казалось заключеннымъ въ *тысячѣ рублей*, для другихъ оно не много поцѣннѣе, и осудимъ-ли Ванюшу, что онъ не спалъ всю ночь въ Ивановъ день, пугался, робѣлъ, но ходилъ по лѣсу, гдѣ каждый сукъ казался ему лѣшимъ, въ каждомъ Ивановомъ червячкѣ сверкали глаза кошки? Нѣтъ! не

было цвѣта папоротника: пропала надежда на кладъ!

Лѣто казалось Ванюшѣ хуже осени; деревня стояла по прежнему, а ему казалась она пуста и темна, какѣ тюрьма преступника: въ ней не было Груни. Съ весною бабушка ея отправилась пѣшкомъ на богомолье, поклонишься Кіевскимъ Чудотворцамъ, и Груня съ нею. Ванюша не смѣлъ проститься съ Грунею; только низко поклонился ей, когда бабушка ея, кашляя и горбясь, переступала потихоньку, а Груня лукаво, ласково кивнула ему головой. Вся семья старосты провожала богомолокъ. Ванюша не смѣлъ подойдти къ милой, не смѣлъ сказать ей: *прости*, да и силъ не достало-бы у него сказать это слово! Когда вся семья была уже далеко, побрелъ и Ванюша, вышелъ въ сторону, на дорогу, смотрѣлъ, пока Груня съ бабушкой скрылись вдали, смотрѣлъ, когда уже ничего не было видно и вечернія тѣни застлали широкій путь.

Началась жатва, сняли хлѣбъ; урожай былъ благословенный. Вдругъ однажды Ванюша приходитъ къ отцу и начинаетъ говорить ему, что наступаетъ осень, а за тѣмъ будетъ зима, что ему нѣчего дѣлать дома осенью и зимою, что Осипъ одинъ управится съ работами. Ѳедосей вытараща глаза смотрѣлъ на Ванюшу. Что сдѣлалось съ малымъ? бормоталъ онъ.

Ванюша объяснилъ наконецъ, что онъ хочетъ въ это время заработать нѣсколько рублей лишнихъ; чтобы не лежать на печи даромъ, просилъ отца позволить ему ѣхать въ Москву, и зиму быть тамъ извощикомъ. «Лошадь лишняя у насъ есть,» говорилъ Ванюша. «Я пристану къ дядѣ Парфентью; онъ дастъ мнѣ сани; я увижу и узнаю Москву, стану возить тамъ добрыхъ людей. Что-же? десятковъ пять иногда заработываютъ, а если и меньше, родимый, то честная денежка стоитъ неправеднаго рубля.»

Въ Москву, извощикомъ! подумалъ Ѳедосей. Предложеніе было неожиданно; онъ сначала не соглашался, но подумалъ, подумалъ, и согласился.

Съ чего пришла эта мысль Ванюшѣ? Право не знаю. Ему тошно было смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ прежде видалъ онъ Груню. Бабушка ея занемогла въ Кіевѣ, и принуждена была тамъ зазимовать у стараго родственника, котораго всѣ звали дядею, хотя никто уже не помнилъ, кто былъ ему настоящимъ племянникомъ, но дядя былъ богатъ, держалъ въ Кіевѣ лучшій постоялый дворъ, а старостa Филаретъ не любилъ отказываться отъ родства съ богатыми. Потомъ думалъ Ванюша.... не смѣшно-ли?—что онъ перебьетъ разсказы у Москвича, и лучше его бу-

детъ разсказывать о Москвѣ бѣлокаменной. Москва сверхъ того казалась ему чѣмъ-то такимъ, гдѣ наживаютъ деньги: все новое, неизвѣстное бѣлѣетъ юныя, горячія головы. Ванюша не могъ думать о Москвѣ безъ того, чтобы мысль о *тысячѣ* рублей не пришла ему въ голову. Онъ спалъ и видѣлъ эти два слова вмѣстѣ: что-то непонятное, необъяснимое волновало его душу...

Но разсуждайте, какъ угодно, а Ванюша уже на дорогѣ въ Москву. Туда ѣхалъ попутчикъ; Ванюша привязалъ лошадку къ тѣлегѣ, и залегъ въ сѣно, набитое въ тѣлегу. Тутъ была ему свобода думать о прошедшемъ и будущемъ. Онъ не умѣлъ мечтать по нашему, но и у него сколько было воздушныхъ башенъ! Что̀-то будетъ, что̀-то увидитъ, что̀-то встрѣтитъ онъ въ Москвѣ!

Рано поутру подъѣхали наши странствователи къ Москвѣ, по старой Каширской дорогѣ. Было осеннее холодное утро, небо голубое, чистое. «Вотъ и матушка Москва!» сказалъ Ванюшѣ сопутникъ. Ванюша во всѣ глаза смотрѣлъ впередъ. Верстъ семь оставалось еще до заставы; но передъ нимъ открылся уже рядъ Московскихъ церквей и безконечное пространіе домовъ, башенъ, крышъ зеленыхъ, красныхъ, бѣлыхъ. Влѣво возвышались бѣлѣющія стѣны и золотыя главы Донскаго монастыря; прямо бѣлѣлась застава Серпуховская; вправо раз-

бѣгались глаза далеко. Звонъ Московскихъ колоколовъ доносился до слуха Ванюши, изумленнаго, обрадованнаго. «Это что такое?» спрашивалъ онъ у сопутника, указывая на что-то, горѣвшее, какъ жаръ, вдали, на небѣ. —Иванъ Великій, отвѣчалъ тотъ. —«Иванъ Великій!» повторилъ Ванюша. «А Сухарева башня гдѣ?» — Ея не видно еще; да то-ли ты увидишь.

Тѣлега катилась безпрерывно; они въѣхали въ Москву.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб. 1829 г.

Въ Русской публикѣ давно слышны жалобы на безотчетныя похвалы сочиненіямъ Пушкина. Но если похвалы сіи составляютъ мнѣніе самой публики и поддерживаются каждымъ новымъ произведеніемъ любимца ея, то жаловаться, кажется, не на кого. Онъ нравится и его хвалятъ. Такъ быть должно и не можетъ быть иначе. «Но,» спрашиваютъ, «почему онъ нравится? Почему не докажутъ, что онъ достоинъ хвалы, что онъ пользуется славою заслуженною?» Этотъ вопросъ рѣшить гораздо труднѣе, хотя и онъ достовѣрно рѣшается повтореніемъ уже сказаннаго нами. Пушкинъ геніемъ своимъ сходствуетъ съ идеаломъ своихъ читате-

лей, или по крайней мѣрѣ сближается съ нимъ: вотъ причина всѣхъ успѣховъ и славы его, разумѣется заслуженной, если онъ возбуждаетъ нетерпѣливость ожиданія, оправдываетъ оную и заставляетъ снова ждать новыхъ своихъ произведеній. Какъ указать на то, что̀ именно нравится публикѣ въ сочиненіяхъ Пушкина и въ какой степени нравится? Недавно, при появленіи въ свѣтъ *Полтавы*, мы видѣли примѣръ несходства въ мнѣніяхъ: одни назвали сію поэму *первою* по достоинству, другіе *третьею*, третьи *второю*; одни нашли, что описаніе Полтавской битвы превосходно, другіе увидѣли въ немъ невѣрный очеркъ; одни убѣдились, что *Полтава* есть шагъ къ совершенству, другіе увѣрились въ противномъ. Это нисколько не удивительно. Это живой урокъ, что пора перестать привязываться къ словамъ и отдѣльнымъ картинамъ, которыя *непремѣнно должны* производить различное дѣйствіе *на каждаго читателя*. Разсказъ о живописцѣ, выставившемъ свою картину для поправокъ, есть урокъ мудрости. Критика, указующая на мѣста̀ въ сочиненіяхъ, есть для насъ наслѣдственная болѣзнь схоластизма. Только въ то время, когда не знали стихій искусства, можно было по убѣжденію одного человѣка называть то и то прекраснымъ, а то и то дурнымъ. Въ нашу эпоху существуютъ другія требованія. Нынѣ можно назвать слишкомъ дерзкимъ того критика, который, признавая какое-либо поэтическое произведеніе созданіемъ необыкновеннаго дарованія, сталъ-бы указывать на стихи, по *его мнѣнію* не хорошіе. Кто и что ручается

намъ за его мнѣніе? И не правъ-ли Пушкинъ, сказавшій одному своему критику, осуждавшему его стихъ въ *Цыганахъ*:

«И съ камня на траву свалился,»

«Я именно такъ хотѣлъ, такъ долженъ былъ выразиться.» Какіе аргументы могутъ въ семъ случаѣ опровергнуть мнѣніе не только самого Пушкина, но и каждаго изъ его читателей?

Мы займемся совершенно другимъ предметомъ. Сказавъ въ началѣ сей статьи, что успѣхъ и слава Пушкина оправдываются сею-же славою и симъ-же успѣхомъ, мы говорили о славѣ, раздаваемой современниками. Чего желать имъ, если они наслаждаются Авторомъ? Слезы, пролитыя въ Парижѣ при представленіи Мармонтелевыхъ трагедій, и въ Петербургѣ при представленіи трагедій Сумарокова, были пролиты дѣльно, не даромъ, хотя въ наше время смѣются надъ трагедіями Мармонтеля и Сумарокова. Сіи трагедіи нравились современникамъ, трогали ихъ, умиляли — и довольно!

Но именно здѣсь скрывается тайная причина общихъ и частныхъ жалобъ на славу Пушкина. Публика не надѣется на себя и боится подвергнуться тому-же упреку, какой произноситъ она противъ современниковъ Сумарокова. У насъ, даже въ журналахъ, гдѣ занимаются критикою, указываютъ на приведенные нами примѣры непрочности современной славы и силятся примѣнить

ихъ къ Пушкину. Предметъ сей такъ важенъ, что мы почитаемъ долгомъ объясниться о немъ.

Не только современныя славы Сумарокова, Делиля, Хераскова и подобныхъ имъ, но вѣковыя славы разрушились въ наше время. Не только слава частныхъ лицъ, но слава цѣлыхъ литературъ пала, и слава другихъ возстала въ прочной, безсмертной силѣ. Давно-ли Латинскую Литературу ставили рядомъ съ Греческою — и кто осмѣлится теперь сдѣлать это? Давно-ли Французская Литература первенствовала у всѣхъ народовъ — и кто теперь не отрицаетъ ея первенства? Давно-ли Шекспира называли варваромъ, Буало законодателемъ поэзіи, Тасса предпочитали Данту, и у насъ имя Ломоносова произносили вмѣстѣ съ именемъ Державина? Кто теперь станетъ поддерживать сіи положенія? Теперь самые закоснѣлые старовѣры литературные отрекаются отъ подобныхъ мнѣній. И все это совершилось въ девятнадцатый вѣкъ! Гдѣ-же причина сего непостижимаго для многихъ явленія? Что вдругъ просвѣтило благословенный XIX-й вѣкъ?

Осьмнадцатое столѣтіе можно назвать эпохою переворотовъ: конецъ его ознаменовался великими политическими перемѣнами на обоихъ полушаріяхъ земли, и такимъ-же великимъ движеніемъ въ умственномъ мірѣ. Зерно многихъ столѣтій развернулось въ наше время: мы-ли виноваты въ томъ, что судьба заставила насъ быть современниками сего развитія? Свѣтъ истинной философіи отразился въ наукахъ и искуствахъ; въ литературу

внесенъ свѣтильникъ критики, и вѣка всѣхъ временъ явились намъ въ настоящемъ своемъ видѣ, тогда какъ для предшественниковъ нашихъ, неосвѣщенныхъ симъ животворнымъ свѣтомъ, они находились во тмѣ. Здѣсь причина всѣхъ новыхъ измѣненій въ мірѣ литературы. Критика утверждалась не на понятіяхъ толпы, всегда прикованной къ своему вѣку, но на истинныхъ понятіяхъ объ изящномъ и на разсмотрѣніи современной исторіи, всегда отражающейся въ произведеніяхъ литературы. Будемъ-ли удивляться послѣ сего, что еще въ недавнее время толпа восхищалась однѣми наружными формами и потому плакала, глядя на ложный ужасъ и жалость въ трагедіяхъ Мармонтеля и Сумарокова, читая описаніе семейственныхъ картинъ въ романахъ Лафонтена и въ драмахъ Коцебу, и слишкомъ высоко цѣнила гладкіе, цвѣтистые стихи Аббата Делиля? Человѣка можно уподобить человѣчеству: что восхищаетъ его въ младенчествѣ, то смѣшитъ въ лѣта ума. Однакожь не долженъ-ли онъ сказать, что только въ лѣта зрѣлыя началъ понимать истинное достоинство и мѣсто предметовъ, представляющихся ему?

Предслышимъ одно возраженіе: не уже-ли въ наше время *всѣ* читающіе могутъ истинно оцѣнивать достоинство литературныхъ произведеній? и спѣшимъ прибавить: не только *не всѣ*, но весьма *небольшое число*. Однако-жь небольшое число понимающихъ существуетъ, а общее мнѣніе искони повиновалось ему. Общаго распространенія здравыхъ понятій надобно ожидать отъ слѣдующихъ

поколѣній. Когда во Франціи изданы были книга Г-жи Сталь *О Германіи* (произведеніе чужаго климата, и, можетъ быть, чужою рукою написанное) и Шлегелевъ *Курсъ Драматической Литературы*, то дерзость многихъ мыслей въ сихъ сочиненіяхъ изумила всѣхъ, даже умнѣйшихъ людей. Теперь, когда послѣ сихъ явленій прошло немного болѣе пятнадцати лѣтъ, полъ-Франціи согласно съ основаніемъ мнѣній Г-жи Сталь и Шлегеля. Это время настаетъ и у насъ. Въ наше время критицизмъ столько уже распространился и до такой степени проникнулъ въ общее мнѣніе, что нынѣ говорить о ложной славѣ могутъ только тѣ люди, которые не принадлежатъ къ вышеупомянутому *небольшому числу*, и берутся быть судіями въ литтературѣ. Они должны повиноваться общему мнѣнію, всегда достойному своего вѣка, всегда вѣрному руководителю современниковъ.

Понимаемъ отъ чего сочиненія Пушкина мало подвергались печатной критикѣ. Причина сего заключается въ томъ, что для критики недоставало данныхъ, на коихъ-бы она могла основать свои выводы. Теперь, съ появленіемъ въ свѣтъ *Полтавы*, можно судить о Пушкинѣ. Признавая послѣднюю его поэму однимъ изъ совершеннѣйшихъ его произведеній, мы намѣрены здѣсь показать, на чемъ основываемъ свое мнѣніе. Для сего необходимо бросить взглядъ на все поэтическое поприще Пушкина.

Литтература Русская всегда была наперсницею Литтературъ иностранныхъ. Перенявъ просвѣще-

ніе у инозе́мцовъ, мы на долго остались ихъ правственными данниками. Даже донынѣ, кромѣ гиганта Державина, кто изъ нашихъ поэтовъ могъ похвалиться своимъ, незаемнымъ вдохновеніемъ? Жуковскій, сей очаровательный поэтъ, не можетъ быть названъ творцемъ. Даже и тѣ изъ его сочиненій, коихъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему, навѣяны изъ подъ чуждаго неба. Мы привели одинъ примѣръ, но ихъ можно отыскать очень много. Причины такого направленія литтературы сокрыты глубоко. Онѣ идутъ отъ безпримѣрнаго въ Исторіи преобразованія Россіи Петромъ Великимъ и отъ безмѣрнаго множества иноземцовъ, наводнившихъ собою Россію, изъ коихъ иные поселились у насъ и стали давать тонъ Русскому просвѣщенію, другіе образовывали и образовываютъ донынѣ юныхъ Россіянъ. Это намъ нужно припомнить себѣ, дабы согласиться, что просвѣщенный Рускій, собственно не Россіи обязанъ своимъ просвѣщеніемъ. Онъ любитъ Россію какъ свою мать, давшую ему жизнь и средства — сдѣлаться чужеземцомъ по образу мыслей. Правда, что самое просвѣщеніе сіе заставляетъ его любить свою мать, однако-жъ она не можетъ замѣнить ему чужеземныхъ учителей, подъ именемъ коихъ мы разумѣемъ Европейскихъ писателей Франціи, Германіи и Англіи. Вотъ гдѣ скрывается начало чужеземнаго направленія нашей Словесности, ибо замѣтьте, что каждый необыкновенный Русскій писатель, увлекавшій своихъ современниковъ, былъ исполненъ духомъ не Россіи, ему чуждой и неизвѣстной, но духомъ какой нибудь литтературы,

или даже одного писателя иностраннаго. Такъ Карамзинъ, впрочемъ не понявши высокой иронiи Стерна надъ чувствительностью, въ юности своей наполнилъ насъ мнимымъ духомъ Стерновымъ, извѣстнымъ подъ названiемъ сантиментальности. Такъ Жуковскiй увлекъ насъ къ одностороннему направленiю Шиллера и заставилъ летѣть въ небеса, забывъ что у насъ есть Россiя, которая имѣетъ свой міръ. Во время направленiя, даннаго поэзiи нашей Жуковскимъ, явился Пушкинъ.

Сей необыкновенный человѣкъ, еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ ознаменовавшiй себя прекрасными стихотвореніями и какимъ-то оригинальнымъ взглядомъ на предметы, тотчасъ обратилъ на себя общее вниманiе знаменитыхъ современниковъ, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова. Можетъ быть дружба съ послѣднимъ и раннее знакомство съ Итальянскою поэзiею, ибо въ домѣ Пушкиныхъ Итальянскiй языкъ былъ въ употребленiи, породили мысль о Русланѣ и Людмилѣ. Эта поэма, Русская по своему названiю, по многимъ картинамъ и собственнымъ именамъ, напоминаетъ не Россiю, а поэму Аріоста. Въ Русланѣ также странствующіе рыцари ищутъ красавицу, дерутся за нее, и питаютъ въ душѣ своей чувства не Русскихъ витязей, и даже не героевъ нашего сказочнаго міра, происходящихъ въ свою очередь не по прямой линiи отъ Русскихъ богатырей, но чувства рыцарей среднихъ вѣковъ. Несообразность сiя тѣмъ страннѣе въ поэмѣ Пушкина, что Авторъ имѣлъ передъ глазами превосходный образецъ *стараго времени* въ *Пѣсни о полку Игоря*. Если читатель при-

метъ на себя трудъ сравнить безсмертное произведеніе древняго Барда нашего съ Русланомъ и Людмилою, то онъ увидитъ, какъ несообразенъ духъ новой поэмы съ временемъ, въ немъ изображаемымъ. Что-же причиною этого? Вліяніе Итальянскаго поэта, котораго Пушкинъ передѣлалъ на Русскіе нравы. Руслань и Людмила имѣетъ высокое достоинство по своимъ отдѣльнымъ картинамъ и стихосложенію, удивившему читателей новостью и силою, но вообще поэма сія столько-же сообразна съ древнимъ Русскимъ духомъ, какъ Orlando furioso съ какимъ нибудь историческимъ лицомъ старой нашей Руси.

Въ это время имя юнаго поэта сдѣлалось славно между молодыми современниками его другимъ родомъ поэзіи: мы разумѣемъ здѣсь мѣлкія стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ—кто не знаетъ этого?—является истиннымъ Протеемъ. Но не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ духъ, отъ котораго послѣ самъ Пушкинъ освободился и причисляетъ его къ заблужденіямъ своей юности. Здѣсь главнымъ его *путеводителемъ* (если можно такъ сказать) былъ А. Шенье, несчастная жертва Французской революціи, поэтъ съ дарованіемъ возвышеннымъ, исполненный поэтическаго негодованія къ извергамъ, терзавшимъ его отечество. Пушкинъ прекрасно изобразилъ сего достопамятнаго человѣка въ извѣстныхъ стихахъ, названныхъ имъ по имени Французскаго поэта. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Рос-

сіи по нѣкоторымъ его мѣлкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ, но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ.

Человѣкъ, столь высокій какъ Пушкинъ, не могъ долго покорствовать чуждому души его влеченію. Онъ вскорѣ освободился отъ своего ложнаго направленія, жилъ въ уединеніи, стараясь, какъ самъ онъ выразился: *въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ* — и плодомъ его изученій былъ *Кавказскій Плѣнникъ*. Здѣсь видимъ направленіе совершенно новое! Для насъ ясно теперь, что поэма сія, какъ и другія поэмы Пушкина, слѣдовавшія за нею, была слѣдствіемъ Байрона, овладѣвшаго на время всѣмъ міромъ. Байронъ, по справедливому замѣчанію Нодье, не изобрѣлъ особеннаго рода поэзіи, ибо это невозможно, а только положилъ на ноты пѣснь своего времени. Мотивомъ сей пѣсни были прощальные звуки разочарованнаго міра, исчерпавшаго, какъ казалось ему, всѣ средства жизни. Байронъ былъ послѣднимъ отголоскомъ философіи осьмнадцатаго вѣка, истребившей своею страшною ироніею всѣ вѣрованія въ добро, которое неизмѣнно цвѣтетъ въ мірѣ. Ошибка Байроновскаго направленія состоитъ именно въ томъ, что онъ видѣлъ, по слѣдамъ мнимыхъ философовъ, одну сторону предметовъ, одно злое, черное направленіе человѣчества, вышедшее изъ границъ, какъ скоро благотворное дѣйствіе религіи перестало смягчать его. Рожденный быть необъятнымъ геніемъ, Байронъ обстоятельствами жизни своей былъ приготовленъ къ выраженію того страшнаго взгляда,

той несумолимой ироніи, разочаровывающей міръ, которую Пушкинъ изобразилъ въ превосходномъ своемъ стихотвореніи *Демонъ*:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія:
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою,
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

Это Байронъ! это послѣдній, высочайшій пѣвецъ разочарованнаго міра, склонившагося тотчасъ послѣ него къ новому, религіозно-философическому направленію. Лиры современныхъ ему пѣвцовъ от-

зываются и донынѣ его пѣснію: въ струнахъ ихъ и донынѣ еще слышенъ напѣвъ Байроновъ, но онъ становится тише, тише, пока распроганныя струны совершенно остановятъ свое дрожаніе, дабы отозваться новому всемірному пѣвцу, котораго ожидаетъ міръ отъ грядущихъ поколѣній, воспитанныхъ иною философіею.

Пѣвецъ ироніи сдѣлалъ сильнѣйшее впечатлѣніе на Пушкина. Русскій поэтъ не могъ освободиться отъ него ни въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*, ни въ *Цыганахъ*, ни въ *Онѣгинѣ*, ни въ современныхъ имъ мѣлкихъ своихъ стихотвореніяхъ. Всѣ сіи сочиненія носятъ на себѣ печать Байронова вліянія, ибо всѣ они основаны на несоразмѣрности средствъ съ дѣйствіями, образующей иронію. Впрочемъ *Онѣгинъ* выходитъ нѣсколько изъ сего круга, ибо въ немъ видѣнъ болѣе спокойный взглядъ и какое-то желаніе примирить несообразности земныхъ явленій. Татьяна представляетъ намъ собою благородную борьбу человѣка съ несчастіемъ; она является героинею, и слѣдственно возвышается надъ обыкновенными событіями, тогда какъ ни въ поэмахъ Байрона, ни въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, ни въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, ни въ Цыганахъ, нѣтъ ни одного лица, которое не падало-бы подъ бременемъ встрѣчающихся ему золъ или не было ничтожно и достойно своихъ бѣдствій. Пушкинъ невольно сдѣлалъ Татьяну героинею.

Уже въ *Онѣгинѣ* можно было замѣтить, что геній нашего поэта требуетъ новаго направленія, что онъ не доволенъ самъ собою. Это показыва-

етъ необычайную силу души, ибо человѣкъ обыкновенный, хорошій поэтъ, былъ-бы навсегда окованъ Байроновскимъ направленіемъ, достойнымъ образомъ имъ выражаемымъ и доставляющимъ ему славу. Мы нерѣдко видимъ, какъ цѣлому поколѣнію трудно отставать отъ своихъ привычныхъ стремленій; но Пушкинъ рѣшился на гигантскій подвигъ—и совершилъ его. Сей переходъ нашего поэта чрезвычайно любопытенъ для ума наблюдательнаго.

Шекспиръ и Гёте занимали его вниманіе; но послѣдній не надолго. *Фаустъ* Пушкина, внушенный ему, разумѣется, *Фаустомъ* Германскаго поэта, остался въ однихъ отрывкахъ. Болѣе ни одна пьеса, кажется, не ознаменовала сего мгновеннаго стремленія Пушкина, ибо таинственный смыслъ гиганта—современника и собственно ему принадлежащій идеалъ, не соотвѣтствовали генію нашего поэта. Другой геній, болѣе обширный, болѣе всеобъемлющій, невидимо привязалъ его къ себѣ и *преобразилъ*, къ счастію нашей поэзіи. Мы не знаемъ трагедіи Пушкина *Борисъ Годуновъ*; но судя по извѣстнымъ намъ отрывкамъ, видимъ въ ней переходъ къ тому идеалу, который уже выразительнѣе осуществленъ въ *Полтавѣ*. Этому надлежало быть. Если поэтъ нашъ имѣлъ силу оставить блестящаго, современнаго Байрона, то могъ-ли онъ не понять великаго Шекспира? Пушкинъ и понялъ его, какъ высокій поэтъ: онъ не сталъ подражать Шекспиру, но, угадавъ въ Англійскомъ поэтѣ основные элементы исторической его трагедіи, открылъ ихъ и въ Русскомъ мірѣ.

Это имѣло двоякое счастливое послѣдствіе для нашей литературы: во первыхъ обогатило ее созданіемъ, безъ сомнѣнія, необыкновеннымъ, во вторыхъ перенесло въ нее, аналогически, духъ Шекспира, и, слѣдовательно, открыло новый путь къ отысканію истинно изящнаго—Русскаго. Кто, безъ Пушкина, могъ-бы совершить сей подвигъ? И не ясно-ли видна здѣсь сила его генія, не успокоившагося до тѣхъ поръ, пока онъ не открылъ своего истиннаго пути, котораго начало мы видимъ—въ *Полтавѣ*.

Обозрѣвъ, хотя кратко, но точно, все поприще нашего поэта, означимъ главные выводы всего сказаннаго выше. Пушкинъ повторилъ собою всю исторію Русской Литературы. Воспитанный иностранцами, онъ переходилъ отъ одного направленія къ другому, пока наконецъ нашелъ тайну своей поэзіи въ духѣ своего отечества, въ мірѣ Русскомъ, и испытавъ силъ въ борьбѣ съ Британскимъ великаномъ, сдѣлался его послѣдователемъ, такъже какъ онъ, въ свою очередь, умѣлъ угадывать духъ Эсхила, Софокла, и выражать, не подражательно, но аналогически, духъ романтическихъ пѣвцовъ Италіи и героевъ Рима. Шекспиръ недоступенъ для подражателей; но людямъ, умѣющимъ постигать внутренній смыслъ его, онъ отверзаетъ небо и землю. Мы должны показать, какимъ образомъ Пушкинъ воспользовался Русскимъ міромъ и какъ онъ осуществилъ его въ *Полтавѣ*, которую мы ставимъ, по вѣрности направленія, выше всѣхъ извѣстныхъ намъ его сочиненій. Указать на это въ настоящее время тѣмъ необходимѣе, что

многіе не хотятъ видѣть великаго шага, сдѣланнаго нашимъ поэтомъ.

Что видѣли мы доселѣ въ созданіяхъ Пушкина? Если не выраженіе чуждаго духа, то подражаніе тому, что уже развито было геніями другихъ странъ и вѣковъ. Но всякій вѣкъ имѣетъ свои требованія. Замѣтивъ выше сего, что направленіе, данное всемірной поэзіи Байрономъ, не можетъ удовлетворять нашихъ современниковъ, мы должны предполагать, что въ наше время существуетъ требованіе другое, возвышеннѣйшее, ибо человѣчество идетъ впередъ, а не обращается вспять. Нынѣ не только народы, но даже отдѣльныя лица начинаютъ дорожить своимъ достоинствомъ и стараются отдѣльно быть достойными участниками общихъ требованій; государства необходимо слѣдуютъ сему-же направленію. Требованіе вѣка всегда бываетъ выше настоящаго его состоянія; требованіе народа тоже. Слѣдственно подражаніе, вдохновеніе чуждое, не могутъ производить въ наше время никакого впечатлѣнія, ибо вѣкъ требуетъ самобытности. Пушкинъ оживилъ въ *Полтавѣ* событіе изъ Русской Исторіи. Доселѣ подобныя событія представляемы были въ поэзіи нашей совершенно романическимъ образомъ, то есть затемненныя восклицаніями, увеличеніями, не бывалымъ геройствомъ, поддѣльными характерами. Этого нѣтъ въ *Полтавѣ*. Ненависть Мазепы къ Петру, служащая тайною пружиною всей поэмы, и любовь Маріи къ гордому старцу, завязывающая въ началѣ поэмы узелъ всего сочиненія, взяты изъ

Исторіи. Явленіе другихъ историческихъ лицъ есть необходимое слѣдствіе сей завязки. Характеры ихъ совершенно естественны, ибо они таковы, какими представляетъ ихъ намъ Исторія; слѣдственно происшествіе, самое простое, развито безъ всякихъ натяжекъ и возведено къ поэтическому идеалу. Искуство поэта состоитъ въ томъ, чтобы не сказать ни болѣе, ни менѣе надлежащаго. Это сдѣлалъ Пушкинъ. Въ *Полтавѣ* его господствуетъ совершенное, Шекспировское спокойствіе поэта, и живая игра страстей дѣйствующихъ лицъ. Но если происшествіе взято, почти безъ измѣненій, изъ Исторіи, если характеры естественны исторически, если въ нихъ нѣтъ лирическихъ восторговъ поэта, то что-же составляетъ поэзію сей поэмы? Это невидимая сила духа Русскаго, которою поэтъ оживилъ каждое положеніе, каждую рѣчь дѣйствующихъ лицъ. Только тамъ, гдѣ говоритъ онъ отъ себя, разсказъ его принимаетъ величественный тонъ Эпопеи. Однимъ словомъ, это совершенно новый родъ поэзіи, извлекаемый изъ Русскаго взгляда поэта на предметы. Этого нѣтъ и слѣда въ Русланѣ и Людмилѣ, это первый опытъ, блестящій, увлекательный, открывающій новый міръ для послѣдователей Пушкина. Не входимъ въ мѣлочной разборъ стиховъ, изъ коихъ иные могутъ отступать отъ цѣлаго: полагаемъ, что самъ Поэтъ лучше насъ замѣтитъ ихъ. Но кто не видитъ новыхъ для Русской поэзіи красотъ *Полтавы*, тому напрасно стали-бы мы указывать на нихъ. Онѣ не въ отдѣльныхъ словахъ поэмы, а въ выраженіи всѣхъ отдѣльныхъ частей, исходящемъ отъ одного начала.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія, и многимъ даже не имѣла счастія понравиться. Это естественно. Красоты ея слишкомъ новы для Русскихъ читателей, еще не готовыхъ понимать оныя. Но мы увѣрены, что Поэтъ понимаетъ своихъ читателей. Онъ уже освободился отъ обольстительныхъ цѣпей современнаго успѣха. Успѣхъ *Полтавы* показалъ-бы или малое измѣненіе въ поэзіи Пушкина, или высокое совершенство его читателей, чего, кажется, не льзя было и ожидать. Если, донынѣ еще, о безсмертномъ созданіи Шекспира, Фальстафѣ, многіе судятъ по отдѣльнымъ рѣчамъ сего лица, если донынѣ находятъ въ нихъ несообразности и неблагопристойности, то чего ожидать созданіямъ Русскаго поэта, когда сей послѣдній пересталъ угождать прихотямъ своего вѣка? При умертвительной холодности, досугъ-ли читателямъ отставать отъ привычекъ и вникать во внутренній смыслъ поэтическихъ произведеній? Имъ надобны восклицанія, возгласы, брань на нихъ самихъ: только это еще нравится имъ, ибо, не забудемъ, что мы современники Байроновыхъ читателей. Но, къ утѣшенію своему, вспомнимъ, что настаетъ новая эра. Байронъ былъ необходимъ для полнаго обнаженія всѣхъ чувствъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ и поколѣніямъ: онъ пробудилъ умы къ новому требованію. Эпоха словъ и выраженій прекратилась—настаетъ эпоха мыслей и чувствованій, принадлежащихъ народамъ. Глядя съ сей точки

зрѣнія, какихъ великихъ успѣховъ вправѣ мы ожидать отъ нашего Поэта, въ его лѣта зрѣлой юности, украшеннаго всѣми дарами возвышеннаго генія!

Кс. П.

— *Мессинская Невѣста,* трагедія Шиллера. Пер. *А. Ротчевъ.* М. 1829 г., въ т. С. Селивановскаго.

Переводы бываютъ двоякаго рода: одни *близкіе*, передающіе намъ подлинникъ слово въ слово, а другіе *далекіе*, въ которыхъ сохраненъ только смыслъ онаго, и по этому сіи послѣдніе можно назвать подражаніями. Тѣ и другіе имѣютъ свои неудобства; ибо въ первомъ случаѣ переводчикъ, стараясь подражать внѣшнимъ формамъ, лишаетъ ихъ духа, и потому иногда самые близкіе переводы сушь самые невѣрные, тѣмъ болѣе, что не рѣдко формы чуждаго намъ языка, перелитыя въ нашъ отечественный, возбуждаютъ совершенно другія поняшія, нежели какія желали выразить оными. Что-же касается до метафорическихъ поговорокъ, пословицъ, то ихъ ни переводить—потому что онѣ будутъ непонятны — ни замѣнять аналогическими поговорками и пословицами своей націи—потому что онѣ возбуждаютъ чуждыя намъ историческія воспомпнанія—невозможно. Не говорю ни слова о часто употребляемыхъ метафорахъ, каковы pied de la montagne, и т. п. Само собой разумѣется, что ихъ должно замѣнять собственными иносказаніями. Вотъ неудобства близкихъ переводовъ. Далекіе-же переводы или подражанія очень подо-

зрительны: они часто подъ личиною свободы скрываютъ незнаніе переводчика, который, передавая одинъ смыслъ, такъ затемняетъ и передѣлываетъ подлинникъ, что оный въ переводѣ его отражается столь-же тускло и мѣстно, какъ звѣздное небо въ болотныхъ водахъ, нидѣ заросшихъ травою, нидѣ подернутыхъ тиною. Въ сихъ подражаніяхъ, если нѣтъ передражниванья (singerie), то бѣдный подлинникъ страждетъ, потому что переводчикъ, метафоризируя и выражаясь по своему, измѣняетъ мысль автора, лишая его родственнаго ему колорита; а чѣмъ условливается колоритъ (принимая сіе слово въ пространнѣйшемъ его значеніи), какъ не духомъ времени, не индивидуальностью пишущаго? И что-жь изъ этого выходитъ? Смѣсь, микстура: тамъ древній Грекъ говоритъ какъ Итальянецъ, Индѣецъ какъ Французъ, Софоклъ какъ Вольтеръ. Вотъ неудобства далекихъ переводовъ. Ясно, что изъ сліянія только сихъ двухъ неполныхъ родовъ, изъ соединенія формы съ сущностью, можетъ произойдти нѣчто совершенное, гармонически-правильное. Такой переводъ назову я *творческимъ*, ибо возсоздавать не значитъ переиначивать по своему, но примирять враждебныя элементы двухъ гетерогеническихъ языковъ; такъ передалъ Гёте Магомета и Танкреда Вольтерова, а Шиллеръ Федру Расина. Трудно повѣрить точности сихъ переводовъ: стихъ въ стихъ! Тѣже обороты, тѣже эпитеты; на двухъ страницахъ едва-ли найдете два или три слова лишнихъ противъ подлинника, а если и есть какое несходство, такъ развѣ то, что Мельпомена—безъ ходулей, по-

тому что утомительный шестистопный ямбъ замѣненъ пятистопнымъ, и бьющая такъ рѣзко отмѣнена.—Разбирая переводъ *Мессинской Невѣсты* Г-на Ротчева, мы должны сознаться, что оный скорѣе можно назвать подражаніемъ. Г-нъ Переводчикъ, во многихъ мѣстахъ постигая талантомъ геніяльный духъ Шиллера, передавалъ его вѣрно, но иногда дѣлалъ значительные промахи, тѣмъ болѣе, что смѣшанный родъ сей трагедіи требовалъ строгой и неусыпной наблюдательности за извивистыми переходами хамелеона-поэта. Произведеніе сіе—дѣйствіе коего взято изъ того періода времени, когда въ Мессинѣ христіанство боролось еще съ язычествомъ и духомъ Мавританизма, какъ выражается самъ Шиллеръ въ Предисловіи—произведеніе сіе, говорю я, можно сравнить съ скульптурнымъ изображеніемъ Бернини, который представилъ Дафну въ то самое мгновеніе, какъ она, преслѣдуемая Аполлономъ, превращается въ лавровое дерево: въ сучьяхъ еще видны слѣды прекрасно-округленныхъ рукъ и нѣжныхъ пальцевъ, въ корняхъ, углубляющихся въ землю, еще замѣтна форма корою облекающихся ногъ. Сіе-то мгновеніе метаморфоза съ неизъяснимымъ искуствомъ выражается у Германскаго Поэта. Переходы самые нѣжные; хоры его вполнѣ выражаютъ собою разоблачающуюся Судьбу, готовую преобразиться въ Провидѣніе; это грозное, змѣевѣнчанное чело древней Трагедіи, на этомъ тѣлѣ Романтической Драмы. Стопосложеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ гармоніи цѣлаго; разговоръ дѣйствующихъ лицъ писанъ пятистопнымъ безцезурнымъ ямбомъ, столь близко

подходящимъ къ обыкновенному разговору; рифма встрѣчается рѣдко, развѣ когда чувство невольно вырывается изъ краевъ переполненнаго сердца. Хоръ употребленъ шого писанъ весьма разнообразнымъ, безпрестанно измѣняющимся метромъ древнихъ, не рѣдко оперенным риѳмою романтизма, такъ что въ самомъ размѣрѣ отражается хаотическое бытіе шого періода времени, когда изъ развалинъ древняго міра боговъ и героевъ возникалъ новый міръ христіанства и мучениковъ; но шамъ, гдѣ хоръ перестаетъ играть роль вдохновеннаго и безстрастнаго оракула, и становится наравнѣ съ дѣйствующими лицами, составляя шокмо дружину владѣшельныхъ Принцевъ, шамъ Шиллеръ употребляетъ пятистопный и иногда рифмованный ямбъ. — Въ противоборствіи съ гигантомъ и паденіе не безславно: Г-нъ Ротчевъ сражался съ Шиллеромъ, и—само собой разумѣется—уступилъ ему въ силѣ, но не безъ чести вышелъ изъ боя; и если въ существенности содержанія онъ очень далекъ отъ своего подлинника, за то въ стопосложеніи довольно близко подходитъ къ самому роскошному, къ богашѣйшему метру Шиллера, хотя у Переводчика и не видимъ шѣхъ радужныхъ, измѣняющихся, согласно съ мыслію, оттѣнковъ, замѣчаемыхъ нами въ Германскомъ Драматикѣ. Напр. на стр. 27, Г-нъ Переводчикъ не передалъ намъ ни духа, ни внѣшней формы подлинника:

Такъ, называйся шопъ царемъ,
Чье сердце въ страсти *не устало*.
Одна любовь своимъ *огнемъ*

Живитъ цвѣтъ нашихъ дней *завялый*,
Киприда часто дни людей
Своею силою гаруя,
Прочь гонитъ опытъ отъ очей,
Имъ сны прекрасные даруя.

Прочтите-же у Шиллера:

König ist hier, wer den Augen gefällt!
Auch die Liebe beweget das Leben,
Daß sich die graulichen Farben erheben.
Reitzend betrügt sie die glücklichen Jahre,
Die gefällige Tochter des Schaums, и. т. д. (*).

Гдѣ-жъ эта роскошь стопосложенія (König ist hier, wer den Augen gefällt)? Простой ямбъ шутъ нейдетъ. Читая Шиллера, вѣришь Грекамъ, что Киприда родилась изъ волнъ морскихъ.

Die gefällige Tochter des Schaums.

Этотъ стихъ звученъ, плавенъ и мягокъ какъ волна: его и видишь, и слышишь, и онъ ничѣмъ не замѣненъ у Переводчика. Слова: *не устало, огнемъ, завялый, своею силою гаруя* — безцвѣтны и слишкомъ обыкновенны. На 5-й страницѣ первый хоръ, Каэтанъ. Прочтите въ подлинникѣ: Dich begrüß ich in Ehrfurcht, и т. д. «Съ благоговѣніемъ при-

(*) Т. е. Здѣсь тотъ владыка, кто *плѣняетъ* взоры. Любовь *волнуетъ* жизнь, чтобы *умножить* игру пасмурныхъ цвѣтовъ ея; прельщая обманываетъ счастливые годы она—*благосклонная дщерь морской пѣны*.

«вѣтствую тебя, ликующій чертогъ, тебя, цар-
«ственная *колыбель* владыкъ моихъ, на столпахъ
«покоющійся великолѣпный портикъ.» — Вотъ Рус-
скій переводъ:

Подножіе трона
Дивнымъ одѣто днесь свѣтомъ!
Властителей лоно
Днесь мы почтимъ-те привѣтомъ!

Гдѣ-же это пластическое изображеніе *чертога*, *колыбели* владыкъ, — — ? Тамъ ни о *свѣтѣ*, ни о *лонѣ* властителей ни слова. — Далѣе:

Обители врать
Духъ брани, змѣями увитый, ввѣкъ не откроетъ.

Это довольно сходно съ подлинникомъ; но все не рѣзецъ Шиллеровъ: «Пусть *лежитъ* передъ врашами «*въ оковахъ змѣевласое чудовище* Раздора.» — Пошомъ:

Вѣрно спокойствіе *ерада*,
Не грянетъ *тревога*,
Клятва лежитъ у порога,
Исчадіе ада.

Стихи хороши, но гдѣ полнота Шиллеровыхъ выраженій: «Безопасный прагъ гостепріимнаго до-
«ма сторожитъ *Клятва, дщерь Эринній*, ужаснѣй-
шая изъ всѣхъ адскихъ богинь.» — На 7-й стр. весь *другой хоръ* (Манфреда) переведенъ удачно. Жаль только, что Г-нъ Ротчевъ не строго придержи-
вается къ характерическимъ выраженіямъ Поэта, какъ на пр.:

» Nicht wo die goldene Ceres lacht
Und der friedliche Pan, der Flurenbehüter»

Но слѣдующіе два стиха превосходно переданы:

(Wo das Eisen wächst in der Berge Schacht,
Da entspringen der Erde Gebieter.)
« Тѣ страны намъ владыкъ дарятъ,
« Гдѣ въ нѣдрахъ горъ лежитъ булатъ. »

Далѣе: 8 стр., предпослѣдніе стихи *перваго хора* (Каэтана) у Г-на *Ротчева*:

— — — Въ долинѣ промчался потокъ;
Бурей и *градомъ* рожденный въ мгновенье. . .
Корни деревьевъ онъ вырвалъ въ стремленьѣ!
Стихло: и воды уходятъ въ песокъ.

У *Шиллера*: « Тѣ грозные родники непогодъ
(Jene gewaltigen Wetterbäche), слитые изъ безконеч-
« ныхъ *гертогосъ града* (Hagels), изъ разрѣшенныхъ
« тучь, мрачные, ниспадая съ шумомъ, срываютъ
« мосты и плотины, унося ихъ въ громоревущихъ
« волнахъ своихъ. » У Переводчика также картина, но въ миніатюрѣ. Вообще у Г-на Ротчева замѣтно, что онъ, увлекаясь прелестью рифмы, жертвовалъ ей точностью, и не рѣдко метафоры, для которыхъ должно было изобрѣсть тождественныя онымъ на Русскомъ, онъ замѣнялъ слишкомъ обыкновенными, ни мало не выражающими мыслей Шиллера.

Впрочемъ съ похвалою можно отнестись о его монологѣ Беатрисы (30–33 стр.); выпишемъ изъ него нѣсколько стиховъ:

Нѣтъ! все не онъ! по вѣтра томный стонъ,
Шумящій межь вершинъ огромныхъ сосенъ!
Уже давно темнѣетъ небосклонъ:
Замедленный свиданья часъ несносенъ!...
Мнѣ обхватилъ какой-то ужасъ грудь,
Меня страшитъ унылое молчанье.
Напрасно я гляжу на дальній путь,
Осуждена на долгое страданье!...
Не вдалекѣ волнуется народъ,
И вѣчный шумъ летитъ по стогнамъ града,
Какъ вѣчное паденье водопада...
И Океанъ съ созданія реветъ!...
Безсильна я средь грозныхъ силъ вселенной,
Какъ листъ древесъ порывомъ унесенный.
Я презрѣла обитель прежнихъ дней,
Гдѣ я взросла, не вѣдая волненья,
Гдѣ дни мои, безъ пламенныхъ страстей,
Какъ свѣтлый токъ лились средь наслажденья.
Вдругъ по волнамъ опасно понеслась —
И свѣтъ схватилъ меня рукой могучей,
И клятвою покорена летучей,
Разорвала я жизни первой связь...
— — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — —
Кто божеству поставитъ могъ предѣлъ?
Могучій богъ къ Данаѣ низлетѣлъ!
Трепещетъ всякъ таинственнаго гласа;
Велѣнія судьбы кто избѣжитъ?
Хоть жертва будь на высотѣ Аѳласа,
Крылатый конь къ ней быстро долетитъ. и т. д.

Все это переведено поэтически и вѣрно, равно какъ и слѣдующій *хоръ* (Богемунда, 35 стр.):

Привѣтъ нашъ владычицѣ!
Ты днесь осѣненная
Вѣнцемъ и побѣдою,
Продлишь родъ властителей.
Царицѣ привѣтъ!

Рогеръ.

Подъ знаменемъ счастія
Ты входишь въ домъ счастливый,
Богами прославленный!
Гдѣ блещетъ корона побѣдою,
И скипетръ, златомъ играющій,
Отъ позднихъ потомковъ преходитъ къ сынамъ.

Богемундъ.

Приходъ твой возрадуетъ
Потомковъ властителей,
Пенатовъ хранителей. . .
И будешь ты встрѣчена
На прагѣ обители
Богинею, младости
Цвѣтами украшенной,
И свѣтлой побѣдою
Богиней крылатою,
Которая *въ длaняхъ* Юпитера грознаго.

Думать надобно, что послѣдніе четыре стиха Шиллера:

Und die goldne Viktoria,
Die geflügelte Göttinn,
Die auf der Hand ſchwebt des ewigen Vaters,
Ewig die Schwingen zum Siege geſpannt

намекаютъ на миніатюрную статую Минервы,

или Викторіи, поставленную на рукѣ знаменитаго Олимпійскаго Юпитера, и потому точность пребовала сказать—*златою Викторіей.*

На длани Юпитера грознаго —

Я бы не окончилъ, если-бы захотѣлъ выписывать прекрасныя мѣста изъ поэтическаго перевода Г-на Ротчева. Но вотъ еще одинъ довольно удачно переведенный хоръ:

» Leicht verſchwindet der Thaten Spur, и т. д.
Стираются быстро дѣянья съ земли,
Лучами полдня освѣщенной,
Какъ въ памяти призракъ, мелькнувшій мгновенно,
Который предъ очи мечты принесли.
Но то не исчезнетъ, что въ урнѣ таинственной, темной,
Часы принимаютъ въ полетѣ своемъ,
А время какъ поле, и жизнью природа огромна:
Все плодъ, и все сѣмя на немъ.

Изъ сказаннаго мною ясно, что переводъ Г-на Ротчева не совсѣмъ вѣренъ, и особенно шамъ, гдѣ Шиллеръ *бриліантовой своей рукой* (mit diamantener Hand) играетъ на древней лирѣ Софокла; но, когда онъ переливается въ родные намъ звуки, перебирая струны арфы Эоловой, шамъ Переводчикъ въ своей сферѣ. Не будемъ спорить о словахъ: переводъ-ли это, или подражаніе, но *Мессинская Невѣста* — есть прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ.

М. Л—нъ.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *Черты Умозрительной Философіи*, выбранныя изъ В–б–ра, Кл–на, Т–н–ра и др., и изданныя А. С–мъ. СПб., 1829 г., in 12, 121 стр.

Пріятнѣйшею обязанностью почитаемъ извѣстить читателей Телеграфа о сей замѣчательной и достойной вниманія книгѣ. Въ одно время Русская Словесность можетъ похвалиться новыми пріобрѣтеніями въ поэмѣ А. Пушкина–*Полтава*, въ романѣ Г-на Булгарина–*Иванъ Выжигинъ* и въ *Чертахъ Умозрительной Философіи*. Появленію метафизическаго сочиненія на отечественномъ языкѣ мы въ особенности радуемся: оно будетъ имѣть весьма важное вліяніе на образъ мысленія въ Наукахъ, Искуствахъ и Словесности, и равно содѣйствовать обогащенію языка. Пока народъ не имѣетъ понятій какой-либо науки, до тѣхъ поръ онъ не умѣетъ о ней говорить. Изъ любви къ успѣхамъ отечественнымъ, должны мы сознаться, что мы еще о многихъ ученыхъ предметахъ говорить не умѣемъ: явный признакъ, что мы еще нуждаемся во многихъ понятіяхъ. Принесемъ торжественно благодарность тѣмъ изъ соотечественниковъ, которые передаютъ намъ и усвояютъ ученыя пріобрѣтенія иностранцевъ, упредившихъ насъ въ

просвѣщеніи. Таковую благодарность заслуживаетъ Издатель книги: *Черты Умозрительной Философіи.*

Вотъ содержаніе сего сочиненія: А) *Часть общая* или *Введеніе.* Здѣсь раскрывается безусловное знаніе въ созерцаніи разума, отнуда выводится идея первоначальнаго бытія и жизни, идея разнообразія видимаго міра и идея тожества бытія и знанія, или идеи: вѣчнаго, безконечнаго и конечнаго. В) *Часть особенная.* 1. Теорія натуры, или Философія натуральная—ученіе о творимомъ бытіи. Объясненіе всемірной стихіи: отсюда возбужденіе, движеніе и притяженіе, какъ три коренныхъ дѣятеля видимаго міра. Явленія, сопровождающія сихъ дѣятелей: свѣтъ, теплота, тяжесть. Огонь, какъ совокупность явленій всемірныхъ процессовъ. Электричество и воздухъ, химизмъ и вода, кристализмъ и земля; кислородъ, водородъ, углеродъ. Цвѣта, звуки, тѣла. Происхожденіе ископаемыхъ, растеній, животныхъ. Изслѣдованіе трехъ царствъ природы, отъ ископаемыхъ восходя до человѣка, показываетъ единство въ безконечномъ многоразличіи, связь во всѣхъ явленіяхъ и произведеніяхъ видимаго міра и тожество коренныхъ законовъ бытія. Изъ чувственности развивается міръ идеальный. II. *Теорія духа*, или *Идеальная Философія*—ученіе о творящемъ качествѣ. Сознаніе, какъ средоточіе всѣхъ чувственныхъ представленій. Три стороны духовной жизни: чувствительная, познавательная, нравственная; изслѣдованіе сихъ трехъ сторонъ отнрываетъ въ первой: воображеніе, внутреннее чувство, фантазію. Здѣсь раждается идея Изящнаго и Искуства. Познавательная сторона пред-

ставляетъ три степени: смыслъ, разсудокъ и разумъ. Идея истиннаго и науки. Разсмотрѣніе на третьей сторонѣ побужденій, страстей и воли. Идея добраго и Нѣкки. Соединеніе души съ тѣломъ. III. *Богоученіе.* Созерцаніе Божественнаго Существа въ самомъ себѣ, въ отношеніи къ міру и разсмотрѣніе міра въ отношеніи къ Богу.

По указанію самого Издателя, Часть Общая заимствована изъ *Таннера;* Теоріи природы и духа изложены по *Веберу*, а Богоученіе начертано по *Таннеру* и *Клейну*. Теорія природы, по нашему мнѣнію, обработана лучше прочихъ; съ нѣкоторыми же выводами въ теоріи духа мы несогласны. Притомъ весьма сожалѣемъ, что часть общая, важнѣйшая, не вполнѣ взята изъ Таннера.

Изъ сего краткаго изложенія содержанія сей книги очевидно, что подъ скромнымъ заглавіемъ *Черт Умозрительной Философіи* изложена вся Метафизика. Послѣдовательность во всемъ сочиненіи совершенная. Слогъ, сколько по новости предмета на языкѣ нашемъ требовать можемъ, точенъ, правиленъ и ясенъ. Многіе, по привычкѣ съ легкостью читать такъ называемые *философическіе опыты, смѣси, словари* и проч., требуютъ отъ истинно-философскихъ сочиненій такой-же простоты, обвиняя все для ихъ разуменія недоступное въ безсмыслицѣ и безполезности. Требованіе невозможнаго несправедливо. Непосвященные въ таинства Математики не могутъ понимать Лагранжа и Лапласа; однако никто не дерзаетъ упрекать сихъ безсмертныхъ писателей въ неясности; ибо каса-

тельно математическихъ книгъ, всѣ увѣрены, что для нихъ необходимо приготовленіе. Точно также нужно приготовленіе и для Философіи, какъ науки, и приготовленіе еще бо́льшее, обширнѣйшее, по причинѣ всеобщности ея содержанія. Въ чемъ-же должно состоять приготовленіе къ Философіи? Именно въ знаніяхъ естественныхъ и антропологическихъ. Прежде одни изъ мнимыхъ философовъ, съ черствымъ запасомъ Баумейстера, теряясь во мглѣ безполезныхъ умозрѣній, не подкрѣпляемыхъ опытными знаніями; другіе, наблюдая только нѣкоторыя части природы, разсѣкая ее, какъ трупъ, думали постигнуть всѣ тайны міра, сей вѣчной жизни; былъ и третій родъ псевдо-философовъ, или тѣхъ дерзкихъ мечтателей, которые гипотезы свои и парадоксы подтверждали тиглемъ Философіи. Нынѣ Философія требуетъ знаній и наблюденій; она въ отношеніи къ прочимъ наукамъ тоже, что зодчій въ отношеніи къ работникамъ. При такомъ приготовленіи *Черты Умозрительной Философіи* покажутся ясными и понятными.

– *Исторія Государства Россійскаго.* Томъ XII. СПб., 1829 г., въ т. Н. Греча, in 8, VII, 330 и 243 стр.

Появленіе въ свѣтъ послѣдняго, неконченнаго тома Исторіи *Государства Россійскаго*, радуетъ и печалитъ истиннаго сына отечества. Кто изъ Русскихъ безъ наслажденія прочтетъ сіе изящное произведеніе и не пожалѣетъ, что Судьбы Вышняго не допустили Карамзина довершить свой безсмертный трудъ! Издатель XII-го тома, упомя-

нувъ о причинахъ, замедлившихъ появленіе онаго въ свѣтъ, говоритъ слѣдующее. «Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное, какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста, кажется, нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія стеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра; манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время, когда онъ самъ быстро склонялся ко гробу.

«Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти такъ-же живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII-мъ томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, читатели, умѣющіе цѣнить изящное, найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пла-

менной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мѣлкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя, такъ сказать, оживотворяютъ разсказъ Историка, искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа, богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.» — Можемъ-ли что либо прибавить къ выраженнымъ здѣсь чувствованіямъ? Они принадлежатъ цѣлой Россіи.

Повѣствованіе Карамзина доведено до междоцарствія, случившагося по низведеніи съ престола Василія Шуйскаго. Описавъ убіеніе Ляпунова, Историографъ начинаетъ излагать состояніе Россіи слѣдующими словами. «И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе; Астрахань, гнѣздо мѣлкихъ Самозванцевъ, какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воеводъ Московскаго стана;

Шведы, схвативъ Новгородъ, убѣжденіями и силою присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе, гдѣ явился еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій, достойный предшественниковъ, чтобы прибавить новый стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ и новыми гнусностями обременить Исторію, и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками. Высланный наконецъ жителями изо Пскова и не впущенный въ крѣпкій Иваньгородъ, онъ взялъ Воронечь, Красный, Заволочье; нападалъ на малочисленные отряды Шведовъ; грабилъ, гдѣ и кого могъ. Тихвинъ, Ладога сдалися Генералу Делагарди на условіяхъ Новогородскихъ; Орѣшекъ не сдавался...» На этомъ словѣ ,можетъ быть, перо выпало изъ *животворныхъ рукъ* великаго человѣка.

— *Списокъ удостоенныхъ знакомъ отличія безпорочной службы* въ 1828 году. СПб., 1829 г., въ т. Генеральнаго Штаба, in 8, 256 стр.

Всѣхъ особъ, удостоенныхъ знакомъ отличія безпорочной службы въ 1828 году, означено въ семъ спискѣ 2285. Знакомъ 55-ти лѣтъ награждены четверо: *Генералъ-Фельдмаршалъ Фабьянъ Вильгельмовичъ Графъ Фонъ-деръ Остенъ Сакенъ* 1-й—за 57 лѣтъ службы; *Вице-Адмиралъ Николай Ивановичъ Шешуковъ*— за 57 лѣтъ съ мѣсяцами; *Генералъ-Лейтенантъ Иванъ Петровичъ Пущинъ*—за 56 лѣтъ съ мѣсяцами; *Штабъ-Лекарь, Статскій Совѣтникъ Леонтій Ѳедоровичъ Тетеринъ* — за 57 лѣтъ съ мѣсяцами. Знакомъ 50-ти лѣтъ службы отличены 6 человѣкъ: *Оберъ-Егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ*— за 50 лѣтъ; *Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ*

Василій Сергѣевичъ Ланской—за 51 годъ съ мѣсяцами; *Вице-Адмиралъ Алексѣй Николаевичъ Саблинъ*—за 52 года съ мѣсяцами; *Тайный Совѣтникъ Богданъ Андреевичъ Гермесъ*—за 51 годъ съ мѣсяцами; *Генералъ-Маіоръ Иванъ Дмитріевичъ Поповъ*—за 50 лѣтъ съ мѣсяцами; *Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Никольскій*—за 51 годъ съ мѣсяцами. Знакъ 45-ти лѣтъ службы получили 26 особъ. *Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Кириллъ Григорьевичъ Михаловскій*—за 49 лѣтъ съ мѣс.; *Тайный Совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій*—за 48 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Антонъ Васильевичъ Моллеръ 2-й*—за 48 лѣтъ; *Вице-Адмиралъ Петръ Михайловичъ Рожновъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Гаврило Андреевичъ Сарычевъ*—за 47 лѣтъ; *Вице-Адмиралъ Романъ Романовичъ Галлъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Вице Адмиралъ Максимъ Петровичъ Коробка*—за 48 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Семенъ Аѳанасьевичъ Пустошкинъ*—за 49 лѣтъ съ мѣс.; *Генералъ-Лейтенантъ Романъ Петровичъ Шельтингъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Инженеръ-Генералъ-Маіоръ Петръ Семеновичъ Крузъ*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Николай Степановичъ Ильинскій*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Андрей Ивановичъ Градеръ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Евстафьевичъ Левицкій*—за 47 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Павелъ Александровичъ Небольсинъ*—за 47 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Петръ Егоровичъ Фриксіусъ*—за 48 лѣтъ съ мѣс.; *5-го клас-*

са Василій Лаврентьевичъ Лаврентьевъ—за 47 лѣтъ съ мѣс.; 5-го класса Иванъ Самойловичъ Розенмейеръ—за 47 лѣтъ съ мѣс.; Статскій Совѣтникъ Петръ Васильевичъ Невловъ—за 45 лѣтъ съ мѣс.; Статскій Совѣтникъ Исакъ Михайловичъ Куллмастевъ—за 46 лѣтъ съ мѣс.; 5-го класса Григорій Крестьяновичъ Циммерманъ—за 48 лѣтъ съ мѣс.; Коллежскій Совѣтникъ Александръ Александровичъ Козаковъ—за 45 лѣтъ съ мѣс.; Коллежскій Совѣтникъ Францъ Петровичъ Броуеръ—за 46 лѣтъ съ мѣс.; Коллежскій Совѣтникъ Василій Михайловичъ Авраамовъ—за 47 лѣтъ съ мѣс.; Капитанъ 2-го ранга Петръ Петровичъ Бекманъ—за 46 лѣтъ съ мѣс.; 8-го класса Семенъ Владиміровичъ Струбинскій—за 45 лѣтъ. Знакъ отличія 40-ка лѣтней службы получили 82 человѣка, 35-ти лѣтней 121, 30-ти лѣтней 246, 25-ти лѣтней 449, 20-ти лѣтней 583, 15-ти лѣтней 768. Въ числѣ особъ, отличенныхъ знакомъ 30-ти лѣтней службы, находится Его Императорское Высочество Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

— *Уставъ* Императорскаго *Александровскаго Университета въ Финляндіи* (на Русскомъ и на Шведскомъ языкахъ). СПб., 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просв., 223, 23 и 17 стр., in 4.

По волѣ блаженныя памяти Государя Императора Александра Перваго, учреждена была особая Комиссія для сочиненія проэкта новаго Устава Финляндскаго Университета. Проэктъ сей, вмѣстѣ съ принадлежащими къ оному: *Постановленіемъ о благочиніи для студентовъ* и *постановленіемъ объ испытаніяхъ, для посвящающихъ себя гражданской службѣ въ Финляндіи*, поднесенный Государю Импе-

ратору, Высочайше утвержденъ 1823 года, Ноября 28 дня. Съ чувствомъ живѣйшей благодарности къ Мудрому Законодателю читали мы предусмотрительныя Его распоряженія. Нынѣ Финляндскій Университетъ получаетъ новую жизнь. Ему дарованы многія преимущества и выгоды. Жалованье Гг. Профессоровъ простирается, отъ 1248 р. 48 к. серебромъ и 277 р. 44 к. сер. поземельнаго сбора, до 1000 рубл. серебромъ. Въ преподаваніи наукъ и экзаменахъ принята строгая метода старинныхъ Германскихъ Университетовъ. Всѣ каѳедры раздѣлены на слѣдующіе факультеты: 1-е, *Богословскій*, 2-е, *Юридическій*, 3-е, *Медицинскій*, 4-е, *Философическій*. Въ Богословскомъ 4 Ординарныхъ Профессора: *Догматической Богословіи*, *Богословской Экзегетики*, *Церковной Исторіи*, *Богословскаго нравоученія*, и при нихъ 2 Адъюнкта. Въ Юридическомъ 3 Ординарныхъ Профессора: *Римскаго* и *Россійскаго Правовѣдѣнія*, *Финляндскаго общаго права*, *Народнаго и Государственнаго Права и Политической Экономіи*. При нихъ 2 Адъюнкта. Въ Медицинскомъ 3 Профессора: *Физіологіи* и *Анатоміи*, *Теоретической* и *Практической Медицины*, *Хирургіи* и *Повивальнаго искуства*, и 4 Адъюнкта. Въ Философическомъ факультетѣ 11 Ординарныхъ Профессоровъ: 1-е, *Теоретической* и *Практической Философіи*, 2-е, *Математики*, *чистой и прикладной*, 3-е, *Физики*, 4-е, *Астрономіи*, 5-е, *Химіи*, 6-е, *Зоологіи и Ботаники*, 7-е, *Исторіи*, *Географіи и Статистики*, 8-е, *Краснорѣчія и Стихотворства*, 9-е, *Греческаго языка и Словесности*, 10-е, *Восточной Словесности*, 11-е, *Исторіи Наукъ и Сло-*

весности. При нихъ 7 Адъюнктовъ. Сверхъ сего при Университетѣ 1 Экстраординарный Профессоръ *языка Россійскаго и Словесности*, 5 Лекторовъ для другихъ языковъ и 4 Учителя искуствъ.

— *Путешествіе по Турціи* изъ Константинополя въ Англію, чрезъ Вѣну. Соч. Р. Вальша, бывшаго при Англійскомъ Посланникѣ, Лордѣ Странгфордѣ. Перевелъ съ Франц. С. де Шаплетъ. СПб. 1829 г. въ т. вдовы Плюшаръ, in 8, IV и 356 стр. Съ рисунками, планами и картою.

Не льзя насчитать много сочиненій, которыя имѣли-бы такой успѣхъ, какъ Путешествіе Г-на Вальша, нынѣ переведенное на Русскій языкъ Г-мъ де Шаплетомъ. Оно было источникомъ выписокъ во всѣхъ журналахъ, было переводимо по частямъ, и, наконецъ, вполнѣ переведено почти на всѣ языки. Это уже даетъ знать, что оно имѣетъ достоинства, признанныя всею просвѣщенною Европою. Дѣйствительно, ни въ одной книгѣ, исключая *Два года въ Константинополѣ и Морев*, Турція, нынѣ особенно интересная для насъ, не изображена такъ живо, какъ въ Путешествіи Вальша. Начиная Константинополемъ, Авторъ описываетъ все, встрѣчающееся ему на пути черезъ степи и города Шумлу, Разградъ, Рущукъ, Бухарестъ, Германштатъ, Пестъ, Офенъ и проч. Онъ имѣетъ свой взглядъ, свою кисть въ изображеніи предметовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣренъ истинѣ, и можно утвердительно сказать, что читатель его сочиненія получаетъ здравое понятіе о Европейской Турціи и сопредѣльныхъ съ нею Славянскихъ земляхъ. Русскій переводъ сей книги чистъ,

ясенъ, изданъ прекрасно и обогащенъ картою земель, описываемыхъ въ книгѣ, то есть *Картою пути Сочинителя* чрезъ Ѳракію, Булгарію, Валлахію, Трансильванію, Венгрію, съ означеніемъ нѣкоторыхъ дорогъ и проѣздовъ чрезъ Балканскія и Карпатскія горы. Сверхъ сего къ нему приложены: *карта окрестностей Константинополя, картинки, изображающія гробницы Али-Паши и сыновей его, выставку головы Али-Паши на Серальскомъ дворѣ*, снимокъ съ *лфты*, или *надписи на Серальскомъ дворѣ, надъ головою Али-Паши, виды проѣзда черезъ Балканы, изъ Айдоса въ Шумлу, почтовой ѣзды въ Валлахіи*, и проч.

Въ полной увѣренности заслужить отъ читателей нашихъ благоволеніе, рекомендуемъ имъ сію любопытнѣйшую книгу.

— Alexandro Lib. Bar. ab Humboldt iter in montes Uralenses facienti (*Барону Александру Гумбольдту*, путешествующему на Уральскія горы.) М. 1829 г., въ т. А. Семена, in 4, 5 стр.

Это стихи, поднесенные Барону Гумбольдту въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, въ тотъ день, когда ему давали обѣдъ, сдѣланный *на подписку*. Знаменитаго путешественника привѣтствовали кромѣ сихъ стиховъ рѣчами, на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Вообще надобно сказать, что въ Москвѣ приняли Гумбольдта блестящимъ образомъ. Его посѣщали многіе ученые и знатные люди; Университетъ явился передъ нимъ во всемъ своемъ цвѣтущемъ состояніи и избралъ его въ свои Почетные Члены.

Здѣсь Гумбольдтъ встрѣтилъ своего бывшаго учителя, Профессора Анатоміи, Дѣйств. Ст. Сов. Лодера. Общее уваженіе и признательность къ ученымъ заслугамъ, изъявленныя Гумбольдту въ Москвѣ, не одинъ разъ распрогивали его высокую душу.

Цѣль путешествія сего знаменитаго ученаго должна быть извѣстна читателямъ. Гумбольдтъ ѣдетъ осмотрѣть Уральскія горы, дабы послѣ сказать свое мнѣніе о ихъ образованіи и, сверхъ сего, рѣшить нѣкоторые общіе геологическіе вопросы. Къ осени онъ возвратится въ Москву.

— *Искуство плавать*, по методѣ, принятой въ Императорскомъ Военномъ Институтѣ плаванія въ Вѣнѣ, сочиненное Австрійской службы Маіоромъ Гейницомъ, преимущественно для употребленія въ Австрійскихъ войскахъ. Перевелъ Артиллеріи Капитанъ Чивилевъ. СПб. 1829 г. въ Военной типографіи Главнаго Штаба, in 8, XV и 107 стр. съ 5-ю рисунками.

Переводчикъ сей книги былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ, въ 1823 году, въ Варшаву, для изученія тамъ усовершенствованной методы плаванія, введенной въ Вѣнскомъ Институтѣ. Желая быть полезнымъ по сей части всѣмъ своимъ соотечественникамъ, Г. Чивилевъ, хорошимъ слогомъ перевелъ объявляемую нами книгу, и въ Предисловіи къ оной говоритъ: « Институты плаванія существуютъ уже нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Варшавѣ и во многихъ другихъ городахъ Европы. Польза

отъ введенія подобныхъ Институтовъ очевидна. Искусство плавать необходимо почти во всякомъ званіи и состояніи людей; многіе примѣры, встрѣчающіеся въ частной жизни каждаго человѣка, и ежегодные несчастные случаи съ другими, достаточно убѣждаютъ въ сей истинѣ. Но искуство сіе еще необходимѣе для воина и для молодыхъ людей, посвящающихъ себя военной службѣ, въ которой такъ часто необходимость заставляетъ переправляться чрезъ рѣки, и слѣдовательно такъ часты случаи, когда искусный пловецъ можетъ спасти жизнь и себѣ, и другимъ.

«Одушевленный искреннимъ желаніемъ содѣйствовать принятію и распространенію сего спасительнаго искуства и въ нашемъ отечествѣ, перевелъ я предлагаемую здѣсь книгу, и почту себя совершенно счастливымъ и за трудъ свой сторично награжденнымъ, если хотя нѣсколько буду способствовать тѣмъ введенію онаго и у насъ.»

— *Дилижансъ*, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ. М. 1829 г., въ т. Н. Степанова, in 16, VI и 197 стр.

Удивительная книжка! Жаль, что названіе ея не соотвѣтствуетъ содержанію. По нашему мнѣнію, ее должно-бъ было назвать: *Наблюдатель гостинницъ отъ Петербурга до Москвы, или примѣры кривописанія*, и, послѣ сего, раздавъ сію книжицу Гг. станціоннымъ смотрителямъ по Петербургской дорогѣ, посовѣтовать имъ, заставлять своихъ дѣтей, въ наказаніе за дѣтскія проказы, изглаживать топографическія и ореографическія

ошибки Автора. Тутъ его книжка, можетъ быть, принесла-бы и пользу.

— *Древнее сказаніе о побѣдѣ Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ.* Изданно Д. Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ П. Снегиревымъ. М. 1829 г. въ Университ. т., in 8, 67 стр.

Вотъ, можно сказать, единственный памятникъ нашей поэзіи XV-го вѣка! Г. Снегиревъ, за принятый имъ на себя трудъ, заслуживаетъ истинную благодарность своихъ соотечественниковъ. Онъ издалъ сіе *Сказаніе* ученымъ образомъ, сличивъ принятый имъ за основаніе списокъ, отысканный покойнымъ Р. Ѳ. Тимковскимъ и нынѣ принадлежащій Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ двумя другими списками. Онъ обогатилъ сверхъ сего изданіе свое разными примѣчаніями, поправками и указаніемъ на параллельныя мѣста, находящіяся въ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ.

Такимъ образомъ, о достоинствѣ сего поэтическаго произведенія теперь можно судить не по словамъ и выпискамъ немногихъ литераторовъ, имѣвшихъ прежде сего случай читать оное, но по собственному убѣжденію. Мы признаемся, что не нашли въ немъ того, что ожидали найдти, судивши по слухамъ. Это полу-историческій, кой-гдѣ оживленный чувствомъ разсказъ. Впрочемъ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Карамзина, который, выписавъ нѣкоторыя мѣста изъ сей побѣдной пѣсни, прибавилъ: «Сіи приведенныя нами

мѣста суть, кажется, *лучшіе памятники тогдашняго краснорѣчія.* Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.»

Можетъ быть, мы возвратимся къ сему любопытному созданію Русскому; теперь-же поспѣшаемъ только извѣстить читателей нашихъ о появленіи онаго въ свѣтъ, въ исправномъ изданіи.

— *Два семи Ангеловъ и Тайна.* Сочиненіе Барона Г. Розена. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Вн. Торговли, in 12, 67 стр. (*).

Русской публикѣ извѣстны уже многія стихотворенія Барона Розена: въ двухъ новыхъ онъ таковъ-же, какъ и въ прежнихъ. Въ нихъ читатели найдутъ прежнія достоинства и прежніе недостатки.

— *Стихотворенія Н. Маркевича.* Элегіи. Еврейскія мелодіи. М. 1829 г. въ Ун. тип. in 8, 71 стр.

Вотъ книга, непремѣнно требующая добросовѣстнаго Критика! Это не покажется странно, если вспомнимъ, что есть книги, которымъ не страшны ни остроуміе Вольтерово, ни ветхій педантизмъ *Вѣстника Европы*, ни литературная безсовѣстность неодушевленной *Галатеи.* Пусть грызутъ они, напримѣръ *Полтаву*, или *Исторію Государства Россійскаго* — что имъ достанет-

---

(*) Продается въ СПб., у И. В. Слѣнина и А. Ф. Смирдина, по 4 рубли за экземпляръ; съ пересылкою 5 рублей.

ся на разживу? Напротивъ, стихотворенія Г-на Маркевича, при большихъ достоинствахъ, представляютъ изрядный запасъ для критики. Во первыхъ, отъ чего симъ Стихотвореніямъ дано такое заглавіе, когда они *все* состоятъ изъ переводовъ, или *подражаній*, которыхъ оригиналъ принадлежитъ *одному* Байрону? Не лучше-ли было-бы написать: *Подражанія Байрону*, дабы совѣстные журналисты не сказали, что Г. Маркевичъ приписываетъ себѣ чужое. Во вторыхъ, отъ чего названы *Элегіями* отрывки изъ такихъ сочиненій, гдѣ Байронъ совсѣмъ не думалъ быть элегическимъ, на примѣръ въ Чайльдъ-Гарольдѣ? И неуже-ли всѣ подражанія Г-на Маркевича, кромѣ Еврейскихъ мелодій, Элегіи? Третья привязка наша будетъ состоять въ томъ, что книга сія напечатана неисправно и попзукрашена типографическими ошибками. Но все исчисленное нами показываетъ только неопытность Автора въ изданіи книгъ и несовершенство нашихъ типографій, которымъ не льзя ничего довѣрить: перепортятъ и надѣлаютъ всякихъ ошибокъ, если недосмотрите сами. Во Франціи, отдайте деньги вмѣстѣ съ рукописью и не заботьтесь ни о чемъ: все будетъ исправно и хорошо; у насъ, напротивъ, отдайте деньги и заботьтесь обо всемъ сами, чтобы книга ваша сколько нибудь походила на книгу. Г-ну Маркевичу надлежало-бы, прежде изданія своихъ *Стихотвореній*, посовѣтоваться съ какимъ нибудь опытнымъ литературнымъ *строкой*, и онъ избѣжалъ-бы многихъ наружныхъ неисправностей; а внутреннее достоинство его Сти-

хотвореній весьма-бы заслуживало сіе, ибо оно, по мнѣнію нашему, очень замѣчательно. Г. Маркевичъ имѣетъ даръ писать сильные, звучные, иногда истинно образцовые стихи, но вмѣстѣ съ симъ онъ не обращаетъ вниманія на стихи слабые, прозаическіе, которые у него, хотя и рѣдко, также попадаются. Вотъ сколько слабыхъ сторонъ открыли-бы смѣтливые критики въ книгѣ Г-на Маркевича и, указавъ только на оныя, написали-бы ей смертный приговоръ. Но, говоря безпристрастно, мы относимъ всѣ сіи недостатки къ тому, что это первый опытъ Автора; напротивъ истинное дарованіе его видно въ каждой пьесѣ. Для примѣра, списываемъ стихотвореніе, напечатанное на 8-й страницѣ:

Уже рѣдѣетъ ночь, туманы улетаютъ;
Какъ тучи, черные пары,
Вѣнчавшіе главу горы,
Предъ новымъ солнцемъ исчезаютъ;
На западъ устремилась тѣнь.
Уже къ протекшимъ днямъ прибавленъ новый день,
И мы подвинулись къ могилѣ.
Но вся природа въ прежней силѣ:
Въ ней столь-же много красоты,
Какъ въ первый день міросозданья;
Росой усыпаны цвѣты
И воздухъ свѣжъ отъ ихъ дыханья.
Въ горахъ шумитъ ручей, стремится водопадъ,
И разливаетъ тму прохладъ.

Безсмертный человѣкъ! Взгляни на землю, воды,
Взгляни небесъ на дальны своды,

И видя прелесть жизни сей,
Скажи: я царь природы всей.
Такъ, удивляйся ей, пока судьба не грянетъ,
Пока позволено глядѣть очамъ твоимъ.
Настанетъ страшный день, настанетъ:
Тогда ты ничего не назовешь своимъ!
Какія-бъ тяжкія печали
Надъ прахомъ бреннымъ ни дышали,
Хоть слезы потекли-бъ изъ дружескихъ очей,
Но о тебѣ не пожалѣютъ
Земля и небеса;
Кровавая въ поляхъ не выступитъ роса,
И облака не потемнѣютъ,
Ни листъ до времени съ деревъ не упадетъ,
Ни вѣтеръ о тебѣ въ печали не вздохнетъ.

Земли прибавишь ты собою:
Ты будешь снѣдь червей подъ гробовой доскою.

Здѣсь конечно есть невыдержанности, но вообще стихотвореніе очень хорошо и даетъ понятіе о подлинникѣ. Незнающіе иностранныхъ языковъ могутъ изъ сей книжки познакомиться съ Байрономъ, такъ-же какъ съ Рафаэлемъ можно познакомиться глядя на эстампы его картинъ.

О новыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ.

Можетъ быть ни въ одномъ городѣ Россіи не занимаются музыкою столь много, какъ въ Москвѣ. Прилагаемъ исчисленіе новыхъ нотъ, недавно поступившихъ въ Магазинъ Г-на Ленгольда (о которомъ мы имѣли случай упоминать не одинъ

разъ), и сочиненныхъ любителями и артистами, большею частію въ Москвѣ живущими. Выписываемъ и означеніе цѣны каждой пьесѣ, надѣясь симъ угодить Гг. иногороднымъ нашимъ читателямъ:

Музыка для пѣнія, съ акомпанементомъ фортепьяно:

Верстовскаго А. Н., Три пѣсни, слова Жуковскаго. . . . . 4 р.

—— *Козакъ*, изъ *Полтавы* Пушкина: *Кто при звѣздахъ и при лунѣ*. 2 р. 50 к.

Алябьева А. А., Вечерній звонъ, слова И. И. Козлова. . . . . 2 р.

—— *Печальная пѣснь*, на кончину Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, слова Г-на Найденова. . . . . 3 р.

—— *Разлука*, романсъ, слова Г-на Найденова. . . . . 2 р.

Г-на де Витте, Порхай, узорный мотылекъ, романсъ, слова его-же. 1 р. 50 к.

—— *Гдѣ ты, души моей отрада*, слова его-же. . . . . 1 р. 50 к.

—— *Что ты, громкій соловей*, слова его-же. . . . . 1 р. 50 к.

Г-на Нейдинга, Военная пѣснь, Его Сіятельству Графу Паскевичу Эриванскому, слова А. Н. . 1 р.

Куплеты изъ оперы *Женщина луна-тикъ*, № 35-й, 36-й, 37-й, 38-й каждый по . . . . . 1 р.

Г-на Кубишты, Романсъ, *Нина*, слова А. Крюкова. . . . . 1 р. 50 к.

——— Romance, Souvenir. . . . . 1 р. 50 к.

Музыка для одного фортепьяно:

Г-на Дюмушеля, Sonate (à quatre mains). 8 р.

——— Rondoletto. . . . . 3 р.

Г-жи Гёрингъ, Rondo en cotillon. . 1 р. 50 к.

Г-на Заботкина, 2 Walses et 3 Masurques. 1 р. 50 к.

Дѣвицы Гарляновой, Cotillon, 2 Masurques, Walse et Écossaise. . . 1 р. 50 к.

Г-на де Витте, Différentes Walses. . 3 р. 50 к.

Recueil de danses favorites. 2 livraisons. 4 р.

Музыка для гитары.

Г-на Высотскаго, Fantaisie pour la guitarre, à sept cordes, tirée des études de Cramer. . . . . 1 р. 50 к.

Позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сіи произведенія. *Три пѣсни*, музыка Г-на Верстовскаго, есть сочиненіе превосходное. Жители Москвы слыхали сію Балладу, пѣтую Г-мъ Лавровымъ, съ акомпанированіемъ оркестра. *Козакъ*, шакже имѣетъ большое достоинство. Музыку Г-на Алябьева хвалить не нужно: имя сего композитера ручается за достоинство его сочиненій. Г. де Витте, не столь хорошій стихотворецъ какъ музыкантъ, особенно отличается музыкою танцевъ: многія его сочиненія сего рода играются на всѣхъ балахъ въ Москвѣ. — Отгадайте, что-бы значилъ романсъ: Le Souvenir, Г-на Кубишты? Это лирическій мо-

пологъ *Орлеанской Дѣвы*, переведенной Жуковскимъ, начинающійся словами:

Ахъ, почто за мечь воинственный, и проч.
Музыка куплетовъ изъ Оперы *Женщина Лунатикъ*, очень мила, но слова—охъ! слова ужасны! Есть-ли хоть искра вкуса и даже смысла въ слѣдующихъ стихахъ:

Я любилъ, какъ можно только
Съ пламенной душой любить;
Такъ суди жь, мой другъ, какъ горько,
Мнѣ обманутому быть!
Взгляды, рѣчи, *соучастье*,
Увѣряли все меня,
Что въ любви нашелъ я счастье,
Но, мой другъ, обманутъ я!
Я съ ней встрѣтяся случайно,
Вдругъ влюбился въ красоту,
Но любилъ два года тайно,
Скромность, разумъ, доброту.
Наконецъ въ любви открылся —
Принята любовь моя;
Я счастливѣй всѣхъ быть льстился,
Но, мой другъ, обманутъ я!

И это накропалъ *первоклассный* поэтъ, Князь А. А. Шаховской! И послѣ такихъ стишонковъ его осмѣливаются почитать чѣмъ нибудь въ Русской поэзіи? Воля ваша! *Первоклассные* писатели не сочиняютъ такихъ плохихъ виршей. Думаемъ, что хуже этихъ стиховъ не напишетъ и губитель сатиръ Буало на Русскомъ языкѣ, Г-нъ Аксаковъ.

СМѢСЬ.

Русскій Театръ.

Тщеславный, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ; *Крестная маменька*, водевиль въ одномъ дѣйствіи; *Ричардъ въ Палестинѣ*, большой героическій балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ (представленіе въ пользу Г-на Бернарделли)

Пересматривая 9-ю книжку Московскаго Телеграфа, нашли мы, въ отчетѣ о новыхъ произведеніяхъ отечественной литературы, слѣдующія слова Рецензента: «Правительство никогда не запрещаетъ веселиться и радоваться: веселитесь на здоровье! Скажемъ за тайну Автору (одной статьи въ новомъ драматическомъ альманахѣ), что оно именно для этого и устроиваетъ театръ.» — Жаль очень, что Г-нъ Критикъ не прибавилъ къ сему справедливому сужденію нижеслѣдующаго: Содержаніе Императорскихъ Театровъ составляетъ отрасль не доходовъ, но расходовъ государственныхъ. Названіе, присвоенное симъ зрѣлищамъ, не означаетъ того, чтобы оныя были исключительно опредѣлены для увеселенія Августѣйшихъ Особъ. Напротивъ, театры въ Россіи пользуются Высочайшимъ покровительствомъ, для доставленія жителямъ столицъ благороднаго и безвреднаго увеселенія, которое принадлежитъ так-

же къ потребностямъ просвѣщеннаго вѣка. Поселянинъ, въ минуты отдохновенія своего, слушаетъ простые напѣвы веселаго хоровода сельскихъ красавицъ; сидѣлецъ какой нибудь лавки отправляется въ праздникъ за Тверскую заставу, полюбоваться правлею медвѣдей; образованное общество ищетъ увеселенія, которое доставляло-бы нѣкоторую пищу уму. Для сего-то Правительство издерживаетъ сотни тысячь на театральныя зрѣлища. Наши театры суть мѣста, подвѣдомственныя высшему начальству, и слѣдовательно въ полномъ смыслѣ суть казенныя заведенія. Но цѣль ихъ видимо разнится отъ другихъ учрежденій, также принадлежащихъ казнѣ. Сіи не имѣютъ и не могутъ имѣть другихъ судей, кромѣ тѣхъ, коимъ отъ Правительства поручено имѣть за оными надзоръ. Театры-же не имѣютъ и не могутъ имѣть другаго судьи, кромѣ публики. Что учреждается или заводится для удовольствія публики, то должно ей угождать и всѣми силами стараться нравиться. Иначе оно уклоняется отъ своего назначенія. Вотъ неопровержимая истина, которую обязаны помнить всѣ управляющіе публичными увеселеніями. Директоръ-ли казеннаго театра, антрепренеръ-ли партикулярнаго, оба равно должны тѣшить публику, именно тѣмъ, что ей въ угоду, а не тѣмъ, что нравится нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Истинно хорошее бываетъ не рѣдко очень мало цѣнимо, а пустяки и мѣлочи весьма часто занимаютъ цѣлыя сословія. Когда славная актриса Клеронъ упрекала знаменитую свою соперницу Дюмениль въ томъ, что сія, не рѣдко для произ-

веденія сильныхъ эффектовъ, употребляетъ такія средства, которыя не достойны великой актрисы, то Дюмениль откровенно отвѣчала: я обязана угождать всѣмъ зрителямъ, а не малому числу избранныхъ, занимающихъ укромный уголокъ въ партерѣ! Это простодушное сознаніе артистки, приносившей честь своему вѣку, совершенно характеризируетъ обязанность каждой особы, посвятившей себя на трудное и очень трудное ремесло: нравиться публикѣ. Ежели имѣешь дѣло съ этимъ исполиномъ, то не должно разбирать умна или глупа, просвѣщенна или необразованна публика; надобно только помнить, что она прихотлива, упряма и перемѣнчива, какъ погода въ нашемъ сѣверномъ климатѣ. Въ семъ случаѣ, первое и необходимѣйшее условіе — предупреждать всѣ ея желанія, что называется смотрѣть ей въ глаза, безпрестанно ломать себѣ голову, чтобы выдумать что либо могущее ей понравиться и угодить. Тутъ уже смѣло можно сказать: ну, къ чорту умъ и вкусъ (если они служатъ помѣхою). Сими средствами легко пріобрѣсти благосклонность этой причудливой красавицы! Но если кто въ подобныхъ обстоятельствахъ вздумаетъ сказать: какое мнѣ дѣло до публики? я знаю, что я умѣнъ и все творимое мною очень хорошо — тотъ можетъ быть увѣренъ, что онъ никогда не дождется удачи, и публика, во всѣхъ его предпріятіяхъ будетъ его *дразнить языкомъ*, (яко-же и случается съ нѣкіими изъ нашихъ Гг-дъ журналистовъ).... Сіе небольшое сужденіе о трудныхъ сношеніяхъ съ публикою, довольно поясняетъ тягостное положеніе господъ бенефиціантовъ.

Въ Парижѣ, и въ старые годы въ Россіи, одно имя актера, получающаго бенефисъ, привлекало зрителей. Нынѣ все это перемѣнилось. Публика требуетъ новаго, и бенефисы сдѣлались пробными камнями свѣжихъ произведеній драматической литературы. Въ семъ-то затруднительномъ положеніи находился Г. Бернарделли, танцовщикъ и въ добавокъ къ тому—иностранецъ. По части своего искуства, онъ все исправилъ и сочинилъ большой балетъ для своего бенефиса. Но это еще недостаточно. Надлежало наполнить афишу и заманить публику чѣмъ нибудь новымъ. Не знаемъ, кто присовѣтовалъ Г-ну Бернарделли взять на свой бенефисъ новую комедію *Тщеславный*, но не винимъ въ этомъ случаѣ ни бенефиціанта, по вышеобъясненнымъ причинамъ, ни совѣтника, ни даже автора. Наша Драматическая Словесность еще такъ бѣдна, что всякая попытка нашихъ соотечественниковъ должна радовать любителей просвѣщенія. Комедія *Тщеславный* не понравилась публикѣ или, какъ говорится, не была принята. Вотъ все, что можемъ сказать о ней. Подробный разборъ ея недостатковъ могъ-бы огорчить Автора, а мы должны поблагодарить его за то, что онъ занимается такою отраслью Литературы, которая въ совершенномъ небреженіи у нашихъ писателей. Сдѣлаемъ одно замѣчаніе, не относящееся къ сочинителю. Съ 1826 года, когда множество знатныхъ иностранцевъ пріѣхало въ Москву, начали выставлять на театральныхъ афишахъ объявленія на Французскомъ языкѣ, что сохранилось и донынѣ, хотя въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности.

Должно признаться, что эти объявленія бываютъ нерѣдко очень курьозны. Такъ напримѣръ, комедія: *Сонливый и проказникъ*, данная въ бенефисъ Г. Сабурова, названа въ переводѣ: Le dormeur et le farceur (misèricorde!!). Пора кажется знать, что эта комедія играется на Французскихъ театрахъ и называется: *L'espiègle et le dormeur*, и что слово farceur, означаетъ шута, балагура, паяца или нѣчто подобное. Вышеупомянутая комедія *Тщеславный*, названа въ переводѣ *L'Ambitieux*. Не только въ лексиконахъ, но и въ вокабулахъ, приложенныхъ къ Велиновымъ Французскимъ разговорамъ, можно отыскать что ambitieux значитъ по Русски Честолюбивый, а Тщеславный называется glorieux. О семъ донести честь имѣемъ и болѣе ни слова о почившей комедіи. Requiescat in pace!

Водевиль: *Крестная маменька*, есть одно изъ лучшихъ произведеній пискливой водевильной свирѣли, которая по видимому заглушаетъ кимвалы бряцающіе и мѣдь звѣнящую, классическихъ и Вѣстникомъ Европы хвалимыхъ древнихъ козлопѣній и смѣходѣищъ. Г-жа *Львова-Синецкая* прелестно сыграла (разумѣется безъ пѣнья) роль крестной маменьки. Не льзя выразить какъ мила она была въ той сценѣ, когда дѣлаетъ правоученія своему крестнику играя съ нимъ въ волянъ, и между тѣмъ досадуетъ на его неловкость въ сей игрѣ. Крестника игралъ Г. *Ленскій*, переводчикъ водевиля. И за игру и за пьесу онъ былъ вызванъ по окончаніи оной. Многіе куплеты очень остроумны. Публика заставила повторить послѣдній куплетъ, пѣтый Г. Живокини. Кстати о водевиляхъ! Давно уже

публика жалуется на то, что во всѣхъ новыхъ пьесахъ сего рода она слышитъ одни и тѣ-же напѣвы. И дѣйствительно! Водевили: *Учитель и ученикъ* и *Три десятки*, игранные лѣтъ пять тому назадъ — содѣлались какъ будто рудниками, изъ коихъ черпается водевильная музыка. Напѣвъ куплета: *а публика должна терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье*, конечно хорошъ, но одно и тоже не только приѣстся—но даже и надоѣстъ. А мы слышимъ этотъ напѣвъ во всѣхъ новѣйшихъ пьесахъ. Неужели не льзя приправлять наши неизбѣжные водевили чѣмъ нибудь новымъ? По справкамъ, нами учиненнымъ, оказалось, что это безпрестанное повтореніе стараго, похожее на воробьиное чириканье (не во гнѣвъ будп сказано) происходитъ не отъ недостатка въ новой музыкѣ, а отъ умничанья нѣкоторыхъ плохихъ актеровъ, которые за неимѣніемъ лучшихъ, занимаютъ главныя роли въ водевиляхъ. Лишь только эти господа получатъ партію музыки чуждой ихъ ушамъ, то и начинаютъ вопіять противъ нововведеній и говорятъ: мы не можемъ выучить; къ чему эти новости, развѣ мало старыхъ нумеровъ, и прочее сему подобное. — А публикѣ за что терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье? —

Балетъ: *Ричардъ въ Палестинѣ*, заимствованъ изъ извѣстнаго романа Вальтера Скотта, и достоинъ вниманія публики. Особенно понравилась сцена турнира, гдѣ разноцвѣтныя орифламы и значки крестоносцевъ представляли глазамъ самое пріятное зрѣлище. Перемѣна предпослѣдней декораціи была устроена прекрасно и совершенно въ родѣ знаменитыхъ перемѣнъ Большой Парижской Оперы. Жаль

шолько, что собака Рыцаря Барса, занимавшая не маловажную роль, занималась оною не съ большимъ усердіемъ. Не будемъ говорить объ искуствѣ извѣстныхъ нашихъ танцоровъ, участвовавшихъ въ балетѣ, а упомянемъ объ удовольствіи, доставленномъ публикѣ раждающимся талантомъ пятнадцатилѣтняго *Оттаво*, воспитанника театральной школы. Отъ души желаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ имъ поприщѣ, и просимъ наше одобреніе считать искреннею похвалою юному таланту, но не данью безусловнаго удивленія, которая воздается только опытнымъ артистамъ.

В. У.

Изъясненіе картинки.

«Кажется, это городъ? Точно! Но почему-же не слышно ни шуму, ни восклицаній, ни громкихъ возгласовъ, обыкновенно возвѣщающихъ города южной Италіи. Что это? Ни одного крестьянина, ни одного монаха, ни одного нищаго, а мы еще въ Италіи! Какія обширныя, великолѣпныя мраморныя гробницы разбросаны по обѣимъ сторонамъ дороги! Какъ онѣ приличны спокойствію, царствующему во всей этой картинѣ! Какое прелестное *казино*! Какъ свѣжи, изящны эти мозаики и альфреско! Для чего у воротъ города изсѣчена эта богатая мраморная скамья? Но куда-же дѣвались жители? Мостовая превосходная! вотъ, на ней видно множество слѣдовъ колесъ, а не слышно звука ни одной колес-

ницы... Амфитеатры, поршики, палаты... Неужели это сонъ? Или, не сбылась-ли исторія объ окаменѣвшемъ городѣ, которою Шехеразада убаюкала Шаріара?—Нѣтъ, *мы проѣхали черезъ Помпею* — отвѣчалъ мнѣ сопутникъ мой.» Такъ разсказываешъ одинъ путешественникъ о своихъ впечатлѣніяхъ при видѣ сего достопамятнаго города.

Разрытія въ Помпеѣ продолжались въ послѣдніе годы съ особеннымъ успѣхомъ въ улицахъ, простирающихся на сѣверъ и на востокъ отъ форума. Сѣверная улица была совершенно очищена въ Декабрѣ 1823 года. Найдено большое число лампадъ, серегъ и другихъ вещей, весьма драгоцѣнныхъ; улица сія оканчивалась шріумфальною аркою. На право отъ сей арки былъ храмъ *Фортуны Августы*, съ слѣдующею надписью:

M. TULLIUS. M. F. D. VI. DIER. QUINQ.
AUGUR TRI MILITA. POP. ÆDEM.
FORTUNÆ AUGUST. SOLO ET P. AE. C.
SUA.

Храмъ сей не великъ, но замѣчателенъ своею постройкою. Два всхода ведутъ къ изящному перистилю. Вошедши въ cella, видите основаніе статуи, украшавшей храмъ. Четыре ниша, на право и на лѣво, также вѣроятно заключали въ себѣ статуи; ихъ нашли двѣ: одна представляла Консула, другая жрицу.

Напротивъ сего храма находилась улица, которую начали очищать въ 1824 году. Ея стѣны досто-

памятны особенностью: онѣ были исписаны именами гражданъ, избиравшихъ въ городскія должности. На оконечности улицы открыли чрезвычайно красивыя купальни. Различныя части ихъ украшены, съ большимъ вкусомъ, лѣпною работою и мозаикою. Тамъ видѣнъ также прелестный корнизъ, поддерживаемый Силенами въ видѣ каріатидъ. Внутренній помостъ имѣетъ скважины, для прохода паровъ. На мраморномъ бассейнѣ есть слѣдующая надпись бронзовыми буквами:

CN. MELISSÆO. CN. F APRO M. STAIO
M. F RUFFO II. VIR. ITERUM ID LABRUM
EX. D. D. EX P P FG. CONSTAT II S. DCCL.

Напротивъ сего бассейна находится обширная ванна изъ бѣлаго мрамора. Въ сосѣдственной залѣ, гдѣ окуривались благовоніями, стоитъ великолѣпная бронзовая жаровня, поддерживаемая сфинксами и табуретами изъ того-же металла. На послѣднихъ видны слѣдующія слова:

M. NIGIDIUS. VACULA. P. S.

Начало 1825-го года ознаменовалось однимъ изъ прекраснѣйшихъ открытій въ Помпеѣ: открыли домъ отличающійся необыкновенною красивостью (*). Мозаика перистиля изображаетъ собаку, готовую броситься на проходящихъ; внизу подписано:

CAVE CANEM.

(*) Онъ изображенъ на приложенной къ сей книжкѣ Телеграфа картинкѣ.

Внутренность покоевъ была покрыта превосходнѣйшимъ альфреско. Въ одномъ мѣстѣ написано *похищеніе Бризеиды*, и антикваріи смѣло ставятъ его на ряду съ изящнѣйшими произведеніями живописи. Къ сожалѣнію, оно весьма повреждено. Путешественникъ, у котораго мы заимствуемъ сіе описаніе, видѣлъ упоминаемое альфреско тотчасъ послѣ того, какъ оно было очищено: свѣжесть его была несравненна.

Позади сего дома отрыли суконвальное заведеніе, со всѣми принадлежащими къ оному инструментами. Въ этой части продолжаются и нынѣ разрытія. Ихъ ведутъ также и за тріумфальною аркою, о которой мы упоминали.

Послѣ сего открытъ еще Пантеонъ. Это зданіе составляетъ правильный параллелограмъ; оно заключало въ себѣ, между многими драгоцѣнными предметами, статуи Тиверія и Ливіи и нѣсколько, хорошо сохранившихся, альфреско. Одно изъ нихъ изображаетъ Ромула и Рема въ дѣтскомъ возрастѣ. Подлѣ сего зданія находится дворъ, окруженный портикомъ съ колоннами, коихъ пьедесталы мраморные.

Увѣдомленіе.

Н. А. Д., въ Тифлисѣ, будучи подписчикомъ Московскаго Телеграфа, отнесся недавно къ Издателю сего Журнала увѣдомленіемъ, что онъ получилъ 3 № М. Т. измоченный и даже размытый до такой степени, что его нельзя было читать. Г. Д. прибавляетъ, что картинокъ модъ и мебелей при

сей книжкѣ совсѣмъ не было, а было Прибавленіе къ музыкальному каталогу, на Французскомъ языкѣ, но такъ какъ онъ по Французски не учился, то и проситъ Издателя Телеграфа перевесть ему сіе Прибавленіе и переводъ прислать въ Тифлисъ, ибо ему, Г-ну Д., нужно выписать себѣ что-то музыкальное.

Для предупрежденія на будущее время подобныхъ недоразумѣній, честь имѣемъ объявить Г-ну Д. и всѣмъ кому нужно знать сіе, что Московскій Почтамтъ съ возможною исправностью и вѣрностью отправляетъ Журналъ нашъ, по выходѣ каждой книжки съ первою почтою. Если-же сверхъ чаянія, по ошибкѣ или по чему-бы то ни было, кто либо изъ ГГ. подписчиковъ нашихъ не получитъ картинокъ при которой либо книжкѣ Телеграфа, или даже самой книжки, то просимъ только увѣдомить о семъ Конторy Московскаго Телеграфа: недосланное доставлено будетъ съ первою почтою. Впрочемъ, подобныя недосылки случаются весьма рѣдко, хотя онѣ и неизбѣжны при той обширной корреспонденціи, какою публика удостоиваетъ Московскій Телеграфъ. Затерявшіяся картинки Г-ну Д. уже посланы. Касательно-же другой его жалобы, на измоченную книжку, мы ничего не можемъ отвѣтствовать: хорошая и дурная погода зависитъ не отъ насъ и не отъ Почтоваго начальства, доставляющаго нашъ Журналъ. Если въ распутицу, при разлитіи рѣкъ, чемоданъ съ журналами гдѣ нибудь окунется въ воду, то въ этомъ не виноватъ никто: жалуйтесь на погоду. Мы сами нынѣшнею весною не одинъ разъ получали изъ Петербурга

газеты и журналы совершенно измокшіе. На требованіе Г-па Д. о переводѣ музыкальнаго каталога, можемъ отвѣтствовать только то, что каталогъ сей не входитъ въ составъ нашего Журнала, и что онъ напечатанъ для умѣющихъ читать по Французски, слѣдственно, если Г-ну Д. угодно разбирать оный, то мы совѣтуемъ ему для сего выучиться Французскому языку, такъ-же какъ для писанья на Русскомъ языкѣ потребно ему соблюдать правила Грамматики и приличія.

Прилагая по временамъ къ Телеграфу извѣстія о книгахъ, нотахъ и разныхъ литературныхъ предпріятіяхъ, полагаемъ, что мы дѣлаемъ угодное публикѣ, ибо симъ средствомъ она получаетъ многія извѣстія, любопытныя и полезныя, и не отнимающія мѣста въ Журналѣ, который наполняется обѣщанными публикѣ статьями. Прибавленія сіи суть роскошь Журнала. Подобныя имъ бываютъ при лучшихъ Европейскихъ повременныхъ изданіяхъ но журналисты никогда не отвѣчаютъ за то, что пишется въ сихъ прибавленіяхъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les mauvais tems de l'hiver ayant paru vouloir l'emporter sur les premières belles soirées du printems, les bals ont repris à la fin d'avril. Dans celui qu'a donné aux Tuilleries, M. le comte de Cossé, premier maître-de-l'hôtel-du-Roi, on a exécuté les deux quadrilles à la mode, *les Stuarts*.

Peu de coeffures étaient ornées de perles; beaucoup étaient enrichies de diamans. On a distingué: 1°, dans une coeffure en cheveux fort élevée, deux branches de lilas nuancé, qui faisaient diadême; 2°, au milieu de nattes et de coques lisses, un cordon de reines-marguerites panachées, rose et blanc; 3°, une couronne de grosses perles blanches, tout à fait en arrière de la tête. De chaque perle sortait une plume blanche qui retombait en avant.

Il y avait des bérets et des turbans bleus, d'autres blancs, couleur cerise, couleur de rose, brochés en or ou en argent.

Les cavaliers étaient en frac noir, bleu, vert foncé, marron, œil de corbeau, surtout en bleu et en noir; pantalon collant; gilet de velours de printems ou d'étoffe de Lyon couleur vin de Bordeaux, tramée en or ou en argent. Point de chapeaux ronds, ni même de claques. Tous les chapeaux étaient *à la française*, à trois cornes et grains de plumes blanches ou noires.

(*) До 20 Мая (н. с.) 1829 года.

Dimanche dernier, au bois de Boulogne, l'ardeur du soleil avait forcé les habituées de la grande allée, à venir dans celle des maronniers. Mme la comtesse de S* avait une robe de perkale à deux pélerines bordées chacune d'une petite dentelle de Malines. Mme de C* portait un chapeau de *gaze-de-paille* à quadrilles, dont la passe était doublée en vert tendre : les rubans qui en formaient la garniture, étaient moitié soie et moitié paille. Plusieurs dames avaient des ombrelles de foulart à fleurs.

Il y a deux coupes bien distinctes pour les chapeaux de paille d'Italie. La passe des chapeaux *à la française* est courte des oreilles ; celle des chapeaux *à l'anglaise* est, au contraire, très-longue : un pavot avec des boutons forme la garniture des premiers, sur les autres, c'est une branche d'aube-épine légèrement cintrée.

Le vert, en rubans et en fleurs, est la couleur la plus à la mode pour les chapeaux de paille d'Italie. Pavots, bruyère, sapinette, tout est vert.

Quelques chapeaux de paille d'Italie sont ornés de boules d'hortensia moitié vertes, et moitié blanches.

Les pavots sont à la mode pour la garniture de toute espèce de chapeaux ; mais principalement pour celle des chapeaux de paille de riz et de gros de Naples. Sur ceux de crêpe, rose ou jaune vapeur, c'est du jasmin ou du liseron. On met des boules de neige, de la valériane ou de la julienne sur les chapeaux de paille d'Italie.

Les capotes de tissu de paille, à raies ou à carreaux, sont toutes doublées en gros de Naples rose, bleu ou

blanc : leur passe, *plaquée* sur les joues, descend presque jusqu'au menton.

Бальные наряды. «Дурная, зимняя погода,» говоритъ Издатель Парижскаго Журнала Модъ, «казалось, хотѣла завладѣть первыми прекрасными днями весны, и въ концѣ Апрѣля заставила снова начать балы.»

На балѣ Графа Коссе, въ Тюльери, танцовали кадрили подъ новую, модную музыку кадрилей, называемыхъ: *Стуартовскія;* такъ называются кадрили, составленныя изъ напѣвовъ Шотландскихъ пѣсенъ; все напоминающее романы В. Скотта не выходитъ еще изъ моды. Стуартовскія кадрили въ первый разъ играны были на балѣ у Англійскаго Посланника. Вотъ другія бальныя извѣстія:

Мало было головныхъ уборокъ съ бусами, много съ брильянтами. Замѣтныя уборки: высокая прическа, съ двумя вѣтками тѣневыхъ сиреней, составлявшими діадему; плетушки и гладкіе узлы волосовъ, съ гирляндою махровыхъ маргаритокъ, розовыхъ и бѣлыхъ; вѣнокъ изъ крупныхъ, бѣлыхъ бусовъ, совершенно назади головы. Отъ каждой бусы бѣлое перо, падающее впередъ.

Береты и тюрбаны бѣлые, голубые, вишневаго и розоваго цвѣта, шитые золотомъ и серебромъ.

Мужчины были во фракахъ черныхъ, синихъ, темнозеленыхъ, каштановыхъ, цвѣта вороньяго глаза, всего болѣе въ черныхъ и синихъ. Панталоны въ обтяжку, бальные; жилеты изъ *весенняго бархата*, или изъ шелковой Ліонской матеріи,

цвѣта Бордоскаго вина, шкапой съ золотомъ и серебромъ. Шляпы у всѣхъ кавалеровъ были *Французскія*, трехъ-угольныя, съ бѣлыми или черными плюмажами; ни круглыхъ шляпъ, ни клаковъ не было.

Наряды для прогулокъ. Солнечный зной принуждаетъ иногда гуляющихъ изъ большой аллеи переходить въ каштановую. Графиня С***, прошедшее воскресенье, явилась шамъ въ перкалевомъ платьѣ съ двумя пеллеринами, убранными по краямъ узенькими маленькими кружевами. Другая дама была въ шляпкѣ изъ *соломеннаго газа*, съ квадратами, которой края были подбиты нѣжнымъ зеленымъ цвѣтомъ; ленты, украшавшія шляпку, были на половину шелковыя, на половину соломенныя. — Многія дамы имѣли зонтики изъ Осиъ—Индской шелковой матеріи, съ цвѣтами.

Головные уборы. Бываютъ два манера обрѣзки полей у соломенныхъ шляпокъ. Края шляпки на *Французскій манеръ* должны быть срѣзаны коротко подлѣ ушей; макъ составляетъ уборку. — Напротивъ, у шляпки на *Англійскій* манеръ поля бываютъ длинныя; уборку составляетъ вѣтка боярышника.

Зеленый цвѣтъ въ лентахъ и цвѣтахъ есть самый модный для соломенной шляпки: макъ, вѣтки деревъ, все бываетъ зеленое. Иногда убираютъ шакія шляпки гортензіями, зелеными и бѣлыми.

Вообще, макъ въ большой модѣ для уборки всякихъ шляпокъ, преимущественно-же бѣлыхъ соломенныхъ и гроденаплевыхъ. Но креповыя, розовыя или палеваго оттѣнка, называемаго jaune vapeur,

убираютъ ясминами и павличными колокольчиками. Желтыя соломенныя, то есть соломенныя Итальянскія шляпки, убираютъ бульденейжами, валеріаною, юліаною (ночная фіялка). Капоты изъ соломенныхъ плетушекъ, съ полосками или квадратами, подбиваютъ голубымъ, розовымъ и бѣлымъ гроденаплемъ; поля такихъ капотовъ, пригнутые къ щекамъ, сходятъ почти до подбородка.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дамскій костюмъ.* Креповая шляпка. Жаконнатовое платье, убранное бахрамою и шитьемъ. *Фишю* шитая и убранная кружевами.

2. *Мужскіе костюмы.* Шелковая шляпа, суконный сюртукъ. Фракъ, безъ кармановъ по бокамъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Мая 24 дня 1829 года.

Цензоръ и Касалеръ Иванъ Снегиревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 10. *Май.* 1829.

ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА МѢРЪ,
УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ МЕХАНИЧЕСКИХЪ ИСКУСТВАХЪ (*).

Каждое изъ качествъ вещественности можетъ быть измѣряемо; ихъ мѣра доставляетъ наукѣ численія средство оцѣнять отношенія между сравнительными качествами и между различными степенями одного и того-же качества.

Одинъ изъ важныхъ предметовъ Физики составляетъ изысканіе средствъ, коими можно измѣрять качества вещественности. При каждомъ *открытіи* новой вѣтви по сей наукѣ, надобно находить и *мѣру* для новыхъ отношеній, которыя она изучаетъ. Обыкновенно, каждая изъ сихъ мѣръ ведетъ къ познанію, коего безъ нея невозможно было-бы достигнуть.

Мы ограничиваемся на сей разъ разсмотрѣніемъ

(*) Первая лекція Дюпеновой *Механики искусствъ, ремеслъ и изящныхъ художествъ.*

мѣръ, коихъ употребленіе необходимо во всѣхъ частяхъ Механики. Частныя мѣры, полезныя въ нѣкоторыхъ частяхъ сей науки, могутъ быть показаны въ послѣдствіи, когда мы будемъ касаться сихъ частей.

Мѣры геометрическія. Такъ называются мѣры протяженія (d'étendue): разстояніе, поверхность, объемъ. Механикъ употребляетъ ихъ, дабы измѣрять пространства занимаемыя или пробѣгаемыя точками, линіями, поверхностями и тѣлами.

Мѣры длины. Для сего беремъ мы часть прямой линіи, болѣе или менѣе протяженной, и считаемъ сію взятую часть прямой линіи *за единицу* длины. Сію единицу можно перемѣнять, смотря по времени, мѣсту, потребностямъ и обстоятельствамъ. Такъ мы видимъ, что Французы, Нѣмцы, Итальянцы, Англичане, и почти каждый изъ народовъ, употребляютъ различныя единицы для мѣры длины. Еще болѣе: у одного и того-же народа употребляютъ разныя мѣры длины, неимѣющія ни малѣйшихъ между собою соотношеній.

Подобное различіе производитъ важныя неудобства въ искуственныхъ заняпіяхъ, торговыхъ сношеніяхъ и всѣхъ общественныхъ дѣлахъ: оно дѣлаетъ необходимымъ точное познаніе отношеній единицъ, совершенно несоглас-

ныхъ, но употребляемыхъ для мѣры одинакихъ предметовъ. Когда потомъ захотимъ мы сдѣлать необходимыя для механическихъ работъ, перевозовъ, продажъ или покупокъ исчисленія, надобно входить въ прудныя разсчеты, дабы узнать настоящую цѣнность мѣры и качества.

Кромѣ потери времени, потребнаго для вычисленій, важное неудобство въ общественной жизни выходитъ изъ того, что люди, неимѣющіе досуга или знанія, необходимыхъ для вычета обширнаго, сложнаго и безпрерывно встрѣчающагося, всегда могутъ ошибаться сами, или быть обмануты.

Слѣдственно, для каждаго народа весьма важно, чтобы во всемъ пространствѣ государства его, для всѣхъ предметовъ, употребляема была одна извѣстная мѣра. Распространяя наше разсужденіе, мы найдемъ, что не менѣе важно для всего человѣчества, созерцаемаго въ общественныхъ его сношеніяхъ, имѣть *одну систему мѣръ* для всего просвѣщеннаго. міра.

Нынѣ королевство Нидерландское, часть Швейцаріи, Піемонтъ, прежде бывшее королевство Итальянское и королевство Неаполитанское слѣдуютъ системѣ мѣръ, установленныхъ Французами. Можно основательно надѣяться, что сія система будетъ принята со временемъ всѣми просвѣщенными народами, если только народная гордость нѣкоторыхъ государствъ не будетъ

противишься такому благодѣтельному нововведенію.

Единица измѣреній длины, прежде употреблявшаяся во Франціи, не представляла собою основанія неизмѣняемаго, къ коему можно-бъ было прибѣгнуть, дабы найдти сію единицу во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена. *Футъ* (pied) и *туазъ* (toise) были первоначально приняты въ соразмѣрность длины *ноги* и *тѣла* человѣка высокаго роста. Но поелику нѣтъ двухъ человѣкъ, коихъ ноги были-бы рѣшительно равны въ длину и тѣла совершенно равнялись одно противъ другаго, слѣдовательно, и не было основанія, по коему можно-бъ было всегда находить единицу длины съ совершенною точностью.

Французскіе ученые рѣшились найти единицу опредѣленнѣе. Для сего взяли они мѣру поверхности земли, на разстояніи отъ полюса до экватора, въ безпрерывной прямизнѣ отъ Сѣвера къ Югу, то есть, слѣдуя неуклонно направленію мередіана. Они сдѣлали потомъ вычетъ затруднительный, съ такимъ успѣхомъ, что онъ дѣлаетъ честь методамъ, какія доставлены имъ были знаніями, инструментамъ, произведеннымъ новѣйшими механиками, и дарованіямъ, постоянству, смѣлости предпріятія людей знаменитыхъ, которые взяли на себя и выполнили совершенно прудъ огромный, безконечный (*).

(*) Въ немъ участвовали Лапласъ, Лагранжъ, Монжъ и другіе знаменитѣйшіе математики. *Перев.*

Исчисливъ со всевозможною точностію, какой только можно достигнуть при всѣхъ пособіяхъ наукъ и художествъ, длину разстоянія отъ полюса до экватора, раздѣлили сіе разстояніе на 10,000,000 равныхъ частей: такая-то *десяти-милльонная* доля принята была за единицу длины, и названа: *метръ* (mètre).

Метръ, сравниваемый съ старинною мѣрою, составляетъ 3 фута, 11 линій 296 долей длины, то есть, не много менѣе 3 ф. 1 дюйма. (1,107 Русскаго аршина, т. е. почти 1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершковъ). Если-бы протяженія были мало различны одно отъ другаго, и если-бы не было надобности въ величайшей точности, то можно-бъ было употреблять одинъ родъ единицы и пренебречь долями его. Но есть безчисленное количество протяженій, или длинъ, гораздо менѣе метра; отъ сего явилась необходимая надобность дѣлить и подраздѣлять основную единицу мѣры.

Здѣсь открывается одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ новой системы. Въ системѣ численія мы считаемъ единицами, десятками, и такъ далѣе, всегда восходя единицею десятковъ въ десять разъ большихъ, если считаешь съ правой стороны къ лѣвой, и столько-же меньшихъ, если считать обратно, т. е. слѣва на право.

Новая система Французскихъ мѣръ приноровлена была къ сей системѣ численія или лучше ска-

зашь, система численія принята въ подраздѣленія и умноженія мѣръ.

Сначала метръ раздѣлили на 10 частей, названныхъ: *дециметръ* (décimètres: десятая часть метра); потомъ дециметры на 10 частей, кои суть десятки десятковъ, или сотни метровъ; онѣ названы *центиметры* (centimètres: 100-я часть метра); далѣе центиметры на 10 частей, кои суть десятки центиметровъ или десятки сотенъ, то есть, тысячныя доли метра; ихъ назвали *миллиметры* (millimètres; 1000-я доля метра), и такъ далѣе.

По той-же причинѣ, что необходимо надобно имѣть малыя единицы мѣры для предметовъ не большаго протяженія и для малыхъ разстояній, является важная необходимость имѣть большія единицы, для измѣренія большихъ протяженій и великихъ разстояній.

Взяли: длину въ 10-ть метровъ, для мѣры названной *декаметръ* (décamètre: десятокъ метровъ).

Длину 10-ти декаметровъ, или 10-ть разъ 10 метровъ, т. е. 100 метровъ, и назвали сію мѣру *гектометръ* (hectomètres: сотня метровъ).

Длину 10-ти гектометровъ, или 10 разъ 100 метровъ, т. е. 1000 метровъ, и назвали сію мѣру *километръ* (kilomètre: тысяча метровъ).

Длину десять разъ тысячи метровъ, или

10,000 метровъ; и назвали сію мѣру *миріаметръ* (myriamètre: 10,000 метровъ).

Десять миріаметровъ равняется одному *сто частному градусу земли* (*), т. е. сотой части разстоянія, отъ полюса до экватора, мѣряя по меридіану.

Градусъ широты (**) земной равенъ такожде десяти миріаметрамъ.

Минута градуса равна километру.

Секунда равна декаметру.

Терція равна дециметру.

Кварта равна миллиметру.

Выходитъ, что начиная съ простаго миллиметра и до окружности цѣлой земли, всѣ употребительныя мѣры нашихъ путей и нашихъ малѣйшихъ произведеній образуютъ собою одну одинакую систему.

Изъ сего простаго изложенія легко понять удобства счастливыхъ соображеній, какія долж-

---

(*) По Французски названы grades новые сотенные градусы, въ отличіе отъ старыхъ градусовъ, называемыхъ по Французски degrés. Дѣленіе на сотню состоитъ въ томъ, что четверть круга дѣлится на 100 градусовъ, градусъ на 100 минутъ, минута на 100 секундъ. *Перев.*

(**) Поелику градусы широты неравны, то взята была длина среднихъ градусовъ, размѣрянная отъ Балеарскихъ острововъ до острова Шетланда, находящагося на сѣверной оконечности Шотландіи. *Сост.*

на сія новая системa мѣръ ввести въ Мореплаваніе, Топографію, Географію: знанія, соединенныя съ астрономическими наблюденіями.

Упомянемъ объ одномъ изъ простыхъ важнѣйшихъ удобствъ: оно состоитъ въ томъ, что новая система мѣръ, съ чрезвычайною легкостію для понятія, выражается ариѳметическими числами во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ. Какая-бы ни была длина, міріаметры, километры, гектометры, декаметры и метры, ее можно, и не льзя иначе писать, какъ ставя сіи доли слѣва на право, одну за другою подобно единицамъ, десяткамъ, сотнямъ одного количества.

Слѣдственно, если имена мѣръ, взятыя съ Греческаго (*) затрудняютъ вашу память, вы можете забыть ихъ, изгнать изъ памяти вашей всѣ декаметры, гектометры, и считать только: 1,10,100, и т. далѣе: система ничего не теряетъ отъ этого.

Дробь метра, децимметръ, миллиметръ, и проч. пишется какъ *дробь десятичная*, на право отъ метровъ (отдѣляясь подобно онымъ запятою: 5, 4. Здѣсь считаемъ: *пять метровъ* и *четыре дециметра*, или *пять метровъ* и *четыре десятыхъ доли*). Слѣдуетъ, что ее такъ-же легко считать, какъ и цѣлыя числа.

(*) *Метронъ* — мѣра, *Дека* — десять, *Гекатонъ* — сто, *Кіліе* — тысяча, *Міріе* — десять тысячъ.

Безъ сомнѣнія, въ числѣ моихъ слушателей есть люди, употреблявшіе, и даже нынѣ иногда употребляющіе, прежнюю систему мѣръ. Они знаютъ, сколь трудно, медленно и ошибочно бываетъ неправильное счисленіе по старому. Туазъ въ 6 футовъ, футъ въ 12 дюймовъ, дюймъ въ 12 линій, линія въ 12 точекъ, составляютъ такія подраздѣленія, которыя ни сколько не согласуются съ десятичною постепенностію Ариѳметики (*). Подраздѣленія частныхъ чиселъ требуютъ численій сложныхъ, которыхъ пугаются дѣти и люди неученые; но по новой системѣ, и малое дитя, и самый необразованный поселянинъ легко выучатъ сложеніе, умноженіе, вычитаніе и дѣленіе всякаго протяженія длины.

Такія-же выгоды принесла новая система для другихъ родовъ мѣръ, о чемъ хочу я объяснить вамъ. Но прежде обращу вниманіе ваше на слѣдующее обстоятельство. Казалось-бы, что новую систему должны были съ восторгомъ принять всѣ народы, по крайней мѣрѣ народъ Французскій, долженствовавшій видѣть въ ней памятникъ на-

---

(*) Такъ и наши мѣры, неудобныя и трудныя: *сажень*, имѣющая 3 аршина, *аршинъ* въ 4 четверти, *четверть* въ 4 вершка, и *верста* состоящая изъ 500 саженъ. Нѣкогда было сдѣлано измѣненіе въ мѣрѣ верстъ (онѣ составляли прежде 700 саженъ); также легко можно-бы теперь измѣнить и всѣ другія неудобныя наши мѣры. *Перев.*

родной чести; но предразсудки, обстоятельства и невѣжество долго противились нововведенію.

Метръ, какъ мы видѣли, служитъ основаніемъ всѣхъ другихъ мѣръ длины. Также изъ метра извлекли мѣры поверхности, объема, вѣса, и проч.

Мѣры поверхностей. Основная единица сихъ мѣръ есть *квадратный метръ* (mètre quarré).

Квадратъ изъ 10 метровъ въ длину и десяти въ ширину, слѣдственно, представляющій собою десять десяти метровыхъ полосъ, или 100 метровъ квадратныхъ, названъ *аръ* (are).

Квадратъ изъ десяти аровъ въ длину и десяти въ ширину, т. е. составляющій десять десяти-аровыхъ полосъ, или сто аровъ квадратныхъ, названъ *гектаръ* (hectare). Онъ замѣнилъ собою нашъ старинный *арпанъ* (arpent), такъ-же какъ аръ замѣнилъ старинный *першъ* (perche: арпанъ происходилъ отъ Цельтскихъ словъ: ara, *работать;* pen, *одинъ*; neiz, *день.*

Мѣра количествъ. Кубическій метръ, названный: *стеръ* (stère), принятъ за единицу объемовъ и количествъ.

Кубъ, имѣющій дециметръ во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. *кубическій дециметръ,* есть тысячная доля кубическаго метра.

Для облегченія въ оборотахъ торговли, ремеслъ и механическихъ искусствъ устроены были особенна-

го рода сосуды, коихъ внутренность содержитъ кубическій дециметръ. Ихъ назвали: *литръ* (litre), и стали употреблять для мѣры жидкостей и тѣлъ твердыхъ, въ видѣ зеренъ или порошка.

Сосудъ, въ сто разъ превосходящій литръ, или содержащій 100 литровъ, названъ *гектолитръ*, такъ-же, какъ гектометръ сдѣланъ мѣрою ста метровъ.

Для малыхъ количествъ подраздѣлили литръ на десять *децилитровъ*, сто *центилитровъ*, тысячу *миллилитровъ*, также какъ метръ содержитъ 10 дециметровъ, 100 сантиметровъ, 1,000 миллиметровъ.

Такое совершенное сходство въ дѣленіяхъ, подраздѣленіяхъ и названіяхъ мѣръ, совершенно различныхъ, чрезвычайно важно для памяти: оно дѣлаетъ легкимъ для каждаго, какъ воспоминаніе названій, такъ и условность значенія и отношенія мѣръ одной къ другой.

Три рода мѣръ, исчисленныхъ нами, могутъ быть названы *мѣрами геометрическими*, ибо онѣ достаточны для мѣры всего, что составляетъ предметъ Чистой Геометріи; но сюда должно присоединить другія мѣры, потребныя разнымъ знаніямъ и искусствамъ механическимъ.

Мѣры механическія. *Вѣсъ.* Всѣ тѣла земныя стремятся къ центру земли, и если ничто имъ не препятствуетъ, они приближаются къ цен-

пру, т. е. нисходятъ, или, говоря языкомъ простымъ, падаютъ. Вся общность силы, съ которою тѣло, находящееся въ покоѣ, стремится падать, именуется его *вѣсомъ*.

Такимъ образомъ два тѣла имѣютъ *одинакій вѣсъ*, когда вся общность силы того и другаго, съ которою стремятся они падать къ центру земли, равна.

Сравниваютъ или оцѣняютъ вѣсъ тѣлъ особыми машинами (вѣсами), о которыхъ мы послѣ будемъ говорить подробно. Посредствомъ сихъ машинъ замѣчаютъ: имѣютъ или нѣтъ два извѣстныя тѣла *равный вѣсъ*.

Грамма (по Русскому вѣсу равна 0, 23,443 золотника) есть единица мѣры, которою сличается вѣсъ или тяжесть всѣхъ тѣлъ.

10 граммъ составляютъ одну *декаграмму*.
100 граммъ одну *гектограмму*.
1,000 граммъ одну *килограмму*.
10,000 граммъ одну *миріаграмму*.

Тѣже слова, которыя употреблены для большихъ мѣръ, извлеченныхъ изъ метра и литра, употребляются и здѣсь.

Килограмма служитъ для вѣса тѣлъ, тягости равной съ тѣми предметами, которые легко можемъ мы двигать (она равна, 234 43 золотниковъ Русскихъ).

100 килограммъ образуютъ метровый или метрическій *квинталъ*, а 1000 килограммъ составляютъ мѣру, извѣстную въ нагрузкѣ кораблей, подъ именемъ *бочки* (tonneau).

Грамма и ея дробь служащъ для вѣса малыхъ предметовъ, какъ-то: галантерейныхъ, химическихъ, аптекарскихъ вещей, и проч. Она подраздѣляется на 10 дециграммъ, 100 центиграммъ и 1000 миллиграммъ.

Дабы сообразить мѣру вѣса съ мѣрою пространства, взяли за единицу килограммы вѣсъ *кубическаго дециметра*, или *литръ чистой воды*, въ самой величайшей ея сжатости извѣстнымъ пониженіемъ температуры.

Слѣдственно, во всѣхъ концахъ земли, если есть у васъ метръ, литръ, стеръ или килограмма, вы можете найдти всѣ другіе роды всякихъ мѣръ, съ такою-же точностью, какъ и легкостью.

Находится еще мѣра въ искусствахъ и ремесленныхъ занятіяхъ, которую не можемъ мы прейдти молчаніемъ; сія мѣра есть *монета*.

Единица монетъ *франкъ*; онъ дѣлится на десять частей, называемыхъ *децимами* (десятками), на 100 частей, называемыхъ *сантимами* (сотнями), на 1000 частей, называемыхъ *миллезимами* (тысячниками). *Сорокъ* пятифранковыхъ монетъ вѣсятъ *одну* килограмму. Такимъ образомъ и монетная мѣра соединяется съ другими мѣрами новой системы.

Мѣра цѣнностей въ механикѣ, исчисляемая монетою. Монета, разсматриваемая какъ представитель всѣхъ цѣнностей, можетъ быть принимаема какъ мѣра силъ, употребляемыхъ въ занятіяхъ трудящагося. «Я не знаю другой силы,» сказалъ знаменитый Монгольфьеръ, «кромѣ той, которая платитъ за себя.» Онъ принималъ монету мѣрою силъ, употребляемыхъ для какого-бы то ни было дѣйствія.

Такъ, напримѣръ, человѣкъ, имѣющій извѣстную степень силы, употребляетъ ее на перенесеніе *единицы* извѣстнаго вѣса, черезъ *одинъ* метръ разстоянія, и получаетъ *одинъ* франкъ. Другой, сильнѣйшій, лучше работающій, или скорѣе идущій, переноситъ *дважды* одинакую съ первымъ тяжесть, черезъ одинакое пространство, и получаетъ *два* франка. Сіи два франка представляютъ *двойную полезную силу*. Вотъ какимъ образомъ монета есть мѣра силы.

Предположимъ теперь, что приходитъ третій человѣкъ, и посредствомъ какой-либо машины, саней, тѣлежки, или чего-бы ни было, переноситъ *три раза* тяжесть, *однажды* перенесенную первымъ и *дважды* вторымъ, не тратя на сіе ни времени, ни силъ болѣе того, сколько употребилъ ихъ человѣкъ однажды или дважды перенесшій оную. Этотъ работникъ, съ своею машиною, получаетъ *три* франка, хотя онъ употребилъ силъ своихъ не болѣе получающаго одинъ

франкъ. Долженствуешъ, стало быть, для произведенія одинакаго дѣйствія, сему послѣднему употребишь силы впрое противъ работника, дѣйствующаго помощію машины.

По разсчету, выводимому Монгольфьеромъ, сіи два человѣка произвели одинакое полезное дѣйствіе, снабдили насъ одинакимъ количествомъ полезной силы, и должны получишь одинакую сумму монетъ, хотя одинъ изъ нихъ испрашилъ силъ впрое болѣе противъ другаго.

Цѣль, какую долженъ себѣ предполагать механикъ, есть та, что ему надобно устроивать всѣ движенія, всѣ перевозки и переноски, всѣ работы искуствъ такимъ образомъ, чтобы *для извѣстнаго дѣйствія терять самое малое количество возможныхъ силъ*, и слѣдственно: дѣлать такъ, чтобы съ извѣстнымъ количествомъ силъ, коими онъ располагаетъ, получишь за трудъ самую большую сумму, оцѣняя трудъ свой соразмѣрно и справедливо, по мѣрѣ дѣйствія полезности. Такова задача, которую Механика искуствъ и ремеслъ задаетъ себѣ и потомъ разрѣшаетъ. Сила оцѣняется въ насъ не только равновѣсіями, извѣстными посредствомъ мѣръ, чрезъ кои измѣряется сила сія, но еще и движеніями, коихъ продолжительность должно мѣрять.

Я не буду входить здѣсь въ изложеніе того, что такое есть время и продолжительность онаго, ибо мое изложеніе не достигнетъ до той ясности понятія, какую каждый изъ васъ можетъ самъ себѣ составить.

Тѣла, пробѣгающія одинакое пространство въ одинакое время, могли-бъ быть мѣрою продолжительности. Но почти невозможно найдти въ природѣ такія тѣла. Между тѣмъ, люди, наблюдавшіе состояніе видимаго неба, замѣтили, что солнце проходитъ мимо каждаго пункта земли, въ одномъ извѣстномъ направленіи, въ полдень и въ полночь. По сему они раздѣлили время на двѣнадцать частей, кои назвали *часами*, часъ подраздѣлили на 60 *минутъ*, минуту на 60 *секундъ*, и такъ далѣе.

Сей мѣры достаточно для обыкновенныхъ потребностей общественной жизни. Но она недостаточна для потребностей знаній точныхъ, каковы Астрономія, Географія, и для потребностей нѣкоторыхъ искуствъ, каково Мореплаваніе, ибо, не всѣ дни года равны между собою.

(*Окончаніе въ слѣд.* N.)

Къ сему № Прибавленія приложено *изображеніе новомоднаго Парижскаго фаэтона.*